

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Конституционное и административное право»

(наименование)

40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности

(код и наименование направлению подготовки, специальности)

Государственно-правовая

(направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (ДИПЛОМНАЯ РАБОТА)

на тему «Право на жизнь и проблемы применения смертной казни в Российской Федерации»

Студент

Л.В. Калиниченко

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Научный
руководитель

канд. экон. наук., доцент Е.Н. Корнеева

(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)

Тольятти 2021

Аннотация

Вопросы, связанные темой смертной казни, всегда занимали и продолжают занимать особенное место в общественном сознании, будучи особым правовым, политическим и социально-психологическим феноменом, сопровождающим человечество на различных этапах его развития.

В современном российском государстве, в котором на конституционно-правовом уровне было нормативно определено право каждого на жизнь (ч. 1 ст. 20), институт смертной казни, в определённой мере, вступает в противоречие с данной социальной и конституционно-правовой ценностью. Сказанное обуславливает необходимость исследования вопросов, связанных с дальнейшей судьбой института смертной казни, на пути становления действительно правового и социального государства, в качестве которого провозглашается Российская Федерация, в также подтверждает достаточную актуальность рассмотрения обозначенного круга вопросов.

Цель работы: проанализировать особенности нормативного регулирования института смертной казни в Российской Федерации, в контексте конституционного права каждого на жизнь

Вопросы, связанные с нормативной регламентацией и применением уголовного наказания в виде смертной казни, в историческом прошлом и настоящем, являлись предметом исследования ряда отечественных авторов. Следует выделить в данном контексте работы таких авторов как: И.Х. Бабаджанов, Е.В. Беляева, В.К. Дуюнов, С.В. Жильцов, В.Е. Квашиш, О.И. Лепёшкина, Н.В. Лысак, А.В. Малько, И.А. Подройкина и других ученых.

Работа состоит из введения, трёх глав, разделённых на отдельные параграфы, заключения и списка используемой литературы и используемых источников.

Оглавление

Введение.....	4
Глава 1 Право на жизнь в системе высших ценностей, закреплённых на конституционно-правовом уровне	7
1.1 Понятие и значение права на жизнь	7
1.2 Конституционные гарантии реализации права на жизнь в Российской Федерации.....	13
Глава 2 Смертная казнь в системе уголовных наказаний: история и современность.....	26
2.1 История возникновения и развития смертной казни в отечественном уголовном праве	26
2.2 Понятие смертной казни и её место в системе уголовных наказаний по действующему УК РФ	34
Глава 3 Проблемы применения смертной казни в Российской Федерации на современном этапе	43
3.1 Проблемы регулирования применения смертной казни в соответствии с действующим законодательством и правовыми позициями Конституционного Суда РФ	43
3.2 Дискуссия по вопросу отмены смертной казни в контексте соотношения данного наказания с правом на жизнь.....	50
Заключение	65
Список используемой литературы и используемых источников.....	71

Введение

Актуальность исследования. Вопросы, связанные темой смертной казни, всегда занимали и продолжают занимать особенное место в общественном сознании, будучи особым правовым, политическим и социально-психологическим феноменом, сопровождающим человечество на различных этапах его развития.

В современном российском государстве, в котором на уровне Конституции Российской Федерации [33] (Конституции РФ) было нормативно определено право каждого на жизнь (ч. 1 ст. 20), институт смертной казни, в определённой мере, вступает в противоречие с данной социальной и конституционно-правовой ценностью, что обуславливает неослабевающую дискуссионность и неоднозначность вопроса о том, необходимо ли существующей в стране системе уголовных наказаний такое, исключительное по своему характеру наказание, как смертная казнь?

Сказанное обуславливает необходимость исследования вопросов, связанных с дальнейшей судьбой института смертной казни, на пути становления действительно правового и социального государства, в качестве которого провозглашается Российская Федерация, в также подтверждает достаточную актуальность рассмотрения обозначенного круга вопросов.

Степень разработанности темы исследования. Вопросы, связанные с нормативной регламентацией и применением уголовного наказания в виде смертной казни, в историческом прошлом и настоящем, являлись предметом исследования ряда отечественных авторов. Следует выделить в данном контексте работы таких авторов как: И.Х. Бабаджанов, Е.В. Беляева, В.К. Дуюнов, С.В. Жильцов, В.Е. Квашис, О.И. Лепёшкина, Н.В. Лысак, А.В. Малько, И.А. Подройкина и других ученых.

Объект исследования – общественные отношения, связанные с осуществлением уголовно-правового воздействия, посредством наказания в виде смертной казни на лиц, виновных в совершении преступления.

Предмет исследования – нормы действующего уголовного, уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального законодательства, регулирующие нормативное регулирование, порядок назначения и исполнения уголовного наказания в виде смертной казни.

Цель исследования – проанализировать особенности нормативного регулирования института смертной казни в Российской Федерации, в контексте конституционного права каждого на жизнь.

Задачи исследования:

- обозначить исторический аспект возникновения и развития смертной казни в отечественном уголовном праве;
- сформулировать понятие смертной казни и её место в системе уголовных наказаний по действующему УК РФ;
- рассмотреть проблемы регулирования применения смертной казни в соответствии с действующим законодательством и правовыми позициями Конституционного Суда РФ;
- обозначить основные аспекты дискуссии по вопросу отмены смертной казни в контексте соотношения данного наказания с правом на жизнь.

Теоретическая значимость работы состоит в разработке соответствующих научных категорий, связанных с нормативной регламентацией уголовного наказания в виде смертной казни в Российской Федерации.

Практическая значимость работы обусловлена необходимостью законодательного разрешения вопроса о дальнейшей судьбе уголовного наказания в виде смертной казни в Российской Федерации, на основе исследования исторического контекста, а также многочисленных научных работ по соответствующей тематике.

Структура исследования. Работа состоит из введения, трёх глав, разделённых на отдельные параграфы, заключения и списка используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Право на жизнь в системе высших ценностей, закреплённых на конституционно-правовом уровне

1.1 Понятие и значение права на жизнь

Вряд ли кто-либо в современном мире может усомниться в высшем значении права на жизнь, в контексте всего комплекса охраняемых и гарантируемых государством прав и свобод.

Подобный подход к праву на жизнь, как высшей ценности, обозначен и в нашей стране, будучи сформулированным на конституционно-правовом уровне.

Как указывает В.В. Комарова, «право на жизнь – базовое субъективное право и важнейший элемент правового статуса человека и гражданина в Российской Федерации» [25, с. 46].

Данное право правомерно рассматривается как основа всего комплекса прав и свобод личности, признание, соблюдение и защита которых является прямой обязанностью государства, в соответствии со ст. 2 Конституции РФ.

Для получения целостного представления о значении права на жизнь, необходимо проанализировать соответствующие ключевые составляющие данного права, позволяющие определить его.

На протяжении истории – в различные периоды развития отечественного права, в российском государстве подходы к охране права на жизнь были самые разные.

В ст. 20 Конституции РФ определено, что каждый имеет право на жизнь. Тем не менее, законодатель не даёт определение данного права, не раскрывает его составляющие, а также иные критерии.

Толкование данного конституционного положения, в контексте ст. 17 Конституции РФ, позволяет сделать вывод о том, что право на жизнь является неотчуждаемым и принадлежит каждому индивиду от рождения (ч. 2 ст. 17 Конституции).

В данном контексте возникает вопрос, связанный с определением момента рождения, а значит – момента, с которого берёт своё начало право на жизнь и его защита со стороны государства. Как в фактическом, так и правовом аспекте всё достаточно сложно и неоднозначно.

С учётом того, что момент начала жизни конкретно и определённо не обозначен в действующем законодательстве, данный вопрос дискутируется на уровне науки.

Медицинская наука считает началом жизни момент зачатия – т.е. момент оплодотворения женской яйцеклетки. Медицинские специалисты придают отдельное значение также «моменту отделения ребенка от утробы матери» [28, с. 145].

Отдельные авторы пишут о том, что начало жизни связывается с моментом «перехода присущего плоду зародышевого кровообращения в легочное. Это происходит в момент первого дыхательного движения при попадании воздуха в легкие» [5, с. 60].

В ряде публикаций отдельные специалисты ведут речь о том, что «биологическая жизнь восходит своим началом к эмбриональному состоянию человеческого организма, а социальная жизнь человека начинается с момента его рождения» [67, с. 25].

В соответствии с Приказом Минздравсоцразвития России от 27.12.2011 г. № 1687н «О медицинских критериях рождения, форме документа о рождении и порядке его выдачи» [62], моментом рождения является «момент отделения плода от организма матери посредством родов» (п. 1 Медицинских критериев рождения). Критерии же рождения нормативно связаны со сроком беременности, массой и длиной тела ребёнка. Данный документ оперирует также понятием «живорождение», которое соединяет в себе критерии рождения с наличием признаков живорождения, в качестве которых указываются дыхание, сердцебиение, пульсация пуповины или произвольные движения мускулатуры независимо от того, перерезана пуповина и отделилась ли плацента.

При этом, при отсутствии у новорождённого сердцебиения по истечении 10 минут с начала проведения реанимационных мероприятий в полном объеме (искусственной вентиляции легких, массажа сердца, введения лекарственных препаратов) реанимационные мероприятия прекращаются, в соответствии с действующими в настоящее время Правилами прекращения реанимационных мероприятий [60], направленных на восстановление жизненно важных функций организма.

Анализ действующего российского законодательства позволяет выявить некоторую непоследовательность во временном определении временных рамок и содержательном наполнении права на жизнь.

В частности, в науке отмечается определённое несоответствие положений Осинового Закона и отраслевого законодательства, относительно момента начала жизни и соответствующей юридической составляющей защиты жизни, а также прав человека, который родился на свет: «Конституция РФ исключает правовую охрану нерождённого, однако, в некоторых случаях жизнь и телесная неприкосновенность эмбриона выступают в качестве объекта, охраняемого уголовным, гражданским и другими отраслями права» [9, с. 39].

Как полагают отдельные авторы, «отсутствие четких медицинских критериев момента превращения эмбриона в новое качество, называемое человеком, во многом порождает проблему возможности осуществления абортов» [22, с. 20].

В большинстве зарубежных государств считается, что право на жизнь человек приобретает лишь с момента родов, однако, как констатирует В.Е. Пасмарнова, «противники абортов и экспериментов со стволовыми клетками пытаются утвердить право на жизнь с момента зачатия. В части регулирования данного вопроса особый интерес вызывает зарубежный опыт. К примеру, восьмая поправка к Конституции Ирландии, принятая в 1987 году, признает за нерождённым право на жизнь в той же мере, в какой признается право на жизнь его матери» [52, с. 6].

Тем не менее, подобный подход крайне спорный и потенциально порождает целый спектр неоднозначных моментов, не находящих решения в действующем правовом регулировании. Причём, данный подход способен вызвать существенные противоречия в разных отраслях права, включая, уголовное.

В этой связи, вполне оправданно, что юридическая наука связывает начало жизни с моментом рождения [40, с. 38] до которого отсутствует защита жизни, в том числе, средствами уголовного права. В этой связи, фактическое причинение смерти ребенку до рождения не влечёт квалификацию по ст. 105 Уголовного кодекса Российской Федерации [79] (УК РФ) за убийство. Именно по этой причине убийство женщины в состоянии беременности (независимо от её срока) не может быть расценено как убийство двух лиц (п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ), а должно квалифицироваться как убийство женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности (п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ) [40, с. 17].

В связи с обозначенным нормативным подходом, можно констатировать, что до момента рождения плод еще не обладает правом на жизнь. В отдельных работах на этот счёт верно указывается: «рождение – это акт отделения младенца от чрева матери, момент, когда начинается физическая личность, начало самостоятельного существования человека, а вместе с тем и начальный момент юридической жизни» [45, с. 57].

При этом, рождение человека должно сопровождаться активностью жизненно-важных функций организма (наличие сердцебиения, дыхания и т.д.), поскольку в противном случае может иметь место так называемое мёртвоорождение, когда юридическое право на жизнь не начинается, несмотря на факт рождения.

Таким образом, с моментом живорождения, индивид приобретает право на жизнь в полном объёме, равно, как и защиту этого права со стороны государства от любого противоправного посягательства, под угрозой уголовной ответственности.

Как представляется, также необходимо и правильное установление фактического момента наступления смерти, которое обуславливает окончание физической жизни индивида, после чего защита жизни лица перестаёт иметь смысл.

Понятие «смерть» определяется в словаре толкового русского языка, как «прекращение жизнедеятельности организма [75, с. 724].

В медицинской науке различают два взаимосвязанных друг с другом этапа смерти: клиническая смерть и биологическая смерть.

Клиническая смерть характеризуется кратковременным прекращением дыхания и сердцебиения. В течение 5-7 минут жизненные и обменные процессы в организме продолжают продолжаться и лицо ещё может быть возвращено к полноценной жизни. Если же сделать это не удаётся, по истечении короткого промежутка времени, наступает необратимый этап смерти – биологическая смерть [12, с. 14].

Биологическая смерть связана с прекращением деятельности ЦНС, когда в головном мозге происходит необратимый распад белковых тел и восстановление жизненно-важных функций человеческого организма, с учётом современного уровня развития науки, невозможно.

Как и момент начала жизни, её завершение не является одномоментным актом, а представляет собой процесс, который имеет протяжённость во времени и может происходить по-разному.

Одни авторы склонны считать возможным определять наступление смерти (а значит, окончание жизни) по таким факторам, как остановка дыхания и сердцебиения (отсутствие пульса) [37, с. 75] – то есть, речь идёт о проявлениях клинической смерти.

Другие авторы [65] полагают, что данных показателей недостаточно, хотя подобный перечень и видится практичным. Так, известны случаи, когда люди, изучающие особые практики, способны задерживать дыхание на десятки минут. Для клинической смерти характерно, с одной стороны, прекращение жизни, а с другой – отсутствие смерти.

Большинство ученых и практиков связывают наступление смерти именно с биологической смертью [71, с. 348]. Подобное представление о наступлении смерти индивида заложено в содержание Правил определения момента смерти человека, в том числе критериев и процедуры установления смерти человека, утверждённых Постановлением Правительства РФ от 20.09.2012 г. № 950 [60]: «Моментом смерти человека является момент смерти его мозга или его биологической смерти (необратимой гибели человека)» (п. 2 Правил).

Такой подход представляется наиболее верным: жизнь заканчивается не ранее, чем наступает биологическая смерть.

М.Н. Авдеев предлагает считать наступление смерти безусловным «по истечении 30 минут после констатации всех её существенных признаков» [1, с. 77]. Данное мнение соотносится с уже упомянутыми выше Правилами прекращения реанимационных мероприятий [60], направленных на восстановление жизненно важных функций организма.

Данные мероприятия прекращаются при признании их абсолютно бесперспективными «при неэффективности реанимационных мероприятий, направленных на восстановление жизненно важных функций, в течение 30 минут» (п. 3 Правил).

До наступления момента биологической смерти ещё остаётся вероятность оживления человека, и отсутствие адекватных мер по спасению его жизни, как и совершение разнообразных противоправных актов, как например изъятие органов для пересадки, нанесение телесных повреждений и т.п., в соответствии с нормативным подходом, заложенным в нормах уголовного законодательства, признаётся преступным и наказуемым.

Таким образом, основываясь на изложенном, право на жизнь можно сформулировать как: неотчуждаемое и принадлежащее каждому от рождения (с момента отделения плода от организма матери посредством родов при наличии активности жизненно-важных функций организма) и заканчивающееся биологической смертью, право, закреплённое на

конституционно-правовом уровне и гарантируемое государством от любого противоправного посягательства под угрозой уголовной ответственности.

Далее представляется целесообразным рассмотреть конституционно-правовые гарантии реализации права на жизнь в современном российском государстве.

1.2 Конституционные гарантии реализации права на жизнь в Российской Федерации

Как уже было отмечено, право на жизнь является одним из базовых, неотчуждаемых и принадлежащих каждому индивиду от рождения универсальным правом.

При этом, нормативное включение обозначенного права непосредственно в текст Основного Закона для российского государства стало своего рода «правовым феноменом», поскольку такое конституционно-правовое закрепление данное право, несмотря на его фундаментальность, получило впервые.

Вероятно, подобный шаг законодателя обусловлен реакцией на предшествующий период тоталитаризма советского государства, что выразилось в нормативном закреплении запрета произвольного отношения к человеческой жизни государства.

Как отмечается отдельными авторами, относительно наличия формулировки права на жизнь в тексте Конституции РФ, «его провозглашение в высшем акте государства имеет защитную функцию и должно обеспечивать невозврат к прошлому в трансформационных процессах, их направленность на становление правового государства в соответствии с решимостью конституционного законодателя гарантировать в России основные права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права» [6, с. 51].

Выбранная формулировка является практически идентичной той, что использована на уровне международных правовых документов – положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. [30]

В ст. 2 данного документа определено, что «право каждого лица на жизнь охраняется законом». Исходя из того, что Основной Закон Российской Федерации Конституция не только признает, но и обеспечивает соответствующими правовыми гарантиями права и свободы человека и гражданина, в соответствии с общепризнанными принципам и нормам международного права, претворение в жизнь конституционно-правового положения о приоритете права на жизнь должно полностью соотноситься с действующими международно-правовыми гуманитарными стандартами.

В соответствии с ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, «права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства», однако, это положение, априори, не распространяется на анализируемое конституционное право на жизнь.

Это важное отличие, обусловлено особым содержанием и смысловым наполнением рассматриваемой категории, что исключает любые формы или степени ограничений.

Как верно отмечается в литературе, «лишение лица жизни не может быть признано соразмерным правоограничением» и, как верно указывает Конституционный Суд РФ в одном из своих Постановлений, «в тех случаях, когда конституционные нормы позволяют законодателю установить ограничения закрепляемых ими прав, он не может использовать способы регулирования, которые посягали бы на само существо того или иного права» [57].

Более того, законодатель чётко и конкретно определяет в положениях ч. 3 ст. 56 Конституции РФ, что данное право, наряду с рядом других

охраняемых на конституционно-правовом уровне ценностей (достоинством личности, частной жизнью и т.д.) не подлежит какому-либо ограничению.

Совершенно справедливо, что независимо от внешних условий, диктуемых ситуацией, государство не вправе ограничить те права личности, ограничение которых сведёт на нет демократическую, нравственную направленность деятельности государства.

В отношении права на жизнь (а также ряда иных упомянутых выше базовых прав, имеющих ярко выраженную нравственную природу), невозможны ограничения в соответствии как со ст. 56 Конституции РФ, так и с ч. ч. 2 и 3 ст. 55 Конституции РФ.

Как отмечается авторами, «право на жизнь предполагает не только непосредственно действующий запрет произвольного лишения жизни государством, а также любыми другими субъектами, но и позитивную ответственность государства за защиту жизни индивида» [27, с. 258].

Основным гарантом реализации права на жизнь является само государство. Нравственно-этическая направленность права на жизнь предопределяет сам смысл и содержание нормативных установлений, а также характер деятельности субъектов, наделённых в государстве властными полномочиями.

Таким образом, Конституция РФ предопределяет максимально широкий диапазон правозащиты со стороны государства применительно к обеспечению защиты жизни каждого индивида. В указанных рамках обязанность государства закреплять на уровне Федеральных законов и требовать исполнения соответствующих предписаний, направленных на устранение рисков для жизни. В первую очередь, заслуживает своего внимания в данном контексте вопрос нормативного закрепления запрета как на умышленные, так и неосторожные посягательства на жизнь, в рамках уголовного законодательства.

Также в научных публикациях верно указывается, что «защита государством права на жизнь реализуется в сфере любой государственной

компетенции, предполагает исполнение этой обязанности всеми структурами публичной власти, востребует ее контрольные функции по отношению к другим субъектам, если их деятельность связана с угрозами для жизни, и, наконец, имеет безусловный приоритет перед целями защиты самого государства» [14, с. 6].

Конституционные права и свободы выступают в качестве единой системы, обладая взаимогарантирующим характером. В этой связи, представляется верным вывод о том, что соответствующие конституционные гарантии реализации права на жизнь закреплены во многих взаимосвязанных нормах-принципах, обозначенных непосредственно в конституции РФ.

В частности, защита жизни, в том числе, обеспечена запретом подвергать кого-либо пыткам, насилию (ч. 2 ст. 21 Конституции РФ), что выступает в качестве безусловного императива, требующего неукоснительного исполнения.

В этой связи необходимо упомянуть требования, содержащиеся в международно-правовых документах – в частности, уже упомянутой ранее Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950 г. [30], Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10.12.1984 г. [31], Европейской конвенции по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания от 26.11.1987 г. [17], которая была ратифицирована в Российской Федерации лишь более десяти лет спустя [89].

Примечательно, что в самом наименовании двух вышеназванных конвенций содержится такая характеристика рассматриваемого противоправного обращения с личностью, как «бесчеловечное обращение», что указывает на крайнюю степень недопустимости такого нарушения.

В качестве гарантии обеспечения права на жизнь выступают не только положения, касающиеся противоправного посягательства на личность, но и конституционно-правовые положения, касающиеся обеспечения социальных

гарантий: «Каждому гарантируется социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей и в иных случаях, установленных законом» (ч. 1 ст. 39 Конституции РФ)

Очевидно, что без надлежащего социального обеспечения и заботы со стороны государства, человек, находящийся в сложной жизненной ситуации, может погибнуть как вследствие голода, так и в следствие отсутствия способности, в силу возраста или болезни, самостоятельно и в полной мере реализовать свои базовые потребности.

Не менее важной составляющей обеспечения жизни неопределённого круга лиц, является обеспечение охраны здоровья и реализация права на медицинскую помощь (ст. 41 Конституции РФ).

Наглядно важность реализации данного конституционно-правового положения проявилась в ходе продолжающейся пандемии коронавирусной инфекции, когда государством были мобилизованы соответствующие ресурсы, направленные на создание условия для максимально эффективной медицинской помощи населению, благодаря чему удалось, насколько это возможно, снизить показатели смертности от заболевания. Также государство предоставило населению на безвозмездной основе получить вакцину, обеспечивающую иммунитет к коронавирусной инфекции и тем самым способствовало защите жизни своих сограждан.

В качестве не менее важной составляющей системы конституционных гарантий права на жизнь можно также рассматривать на благоприятную окружающую среду, обозначенное в ст. 42 Конституции РФ. Экологическая безопасность является, бесспорно, одной из основ безопасности не только здоровья нации, но и жизни.

Наиболее важные составляющие системы гарантий защиты жизни, установленные в Конституции РФ, развиваются, детализируются и наполняются конкретным смыслом в нормах отраслевого законодательства.

В частности, как уже было отмечено, запрету произвольного лишения жизни корреспондирует обязанность государства обеспечить эффективное противодействие данной угрозе.

Целесообразно ещё раз подчеркнуть весомую роль уголовного и уголовно-процессуального права Российской Федерации, в контексте противодействия противоправным посягательствам на жизнь.

УК РФ, охраняя право на жизнь, устанавливает уголовную ответственность за причинение смерти другому лицу, как умышленно (путём убийства) (ст. 105-108 УК РФ), так и по неосторожности (ст. 109 УК РФ); за доведение до самоубийства (ст. 110 УК РФ), а также склонение к самоубийству и организацию деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства (ст. 110.1 и 110.2 УК РФ); неоказание помощи больному (ст. 124 УК РФ), оставление в опасности (ст. 125 УК РФ) и т.д.

При этом, государство со своей стороны поощряет деятельность граждан, направленную на самостоятельную нейтрализацию угрозы жизни как в отношении себя, так и в отношении других лиц, путём института необходимой обороны.

Причинение адекватного вреда посягающему лицом, в состоянии необходимой обороны, признаётся обстоятельством, исключающим преступность деяния (ст. 37 УК РФ).

Законодатель предусматривает ответственность также и за совершение деяний, не направленных непосредственно на лишение жизни другого человека (других лиц), но создающих такую угрозу самим характером деяния: террористический акт (ст. 205 УК РФ), захват заложника (ст. 206 УК РФ); нарушение правил безопасности на определённых объектах, а также при проведении определённых работ (ст. 216, 217, 219 УК РФ), преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта (глава 27 УК РФ) и т.д.

Нормы уголовно-процессуального права, будучи направленными на создание процедур, связанных с привлечением виновных в совершении

преступлений к ответственности, также служат реализации права на жизнь. Это связано с тем, что, осуществляя уголовное преследование, государство вынуждено применять государственное принуждение. Однако, несоразмерное, безосновательное, лишённое гарантий защиты прав и свобод личности применение государственного принуждения недопустимо, в том числе, в контексте создания угрозы жизни.

В этой связи, законодатель в нормах Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [78] (УПК РФ) создал необходимые гарантии, направленные на создание таких уголовно-процессуальных процедур, которые бы защищали личность, вовлечённую в процесс производства по уголовному делу, от противоправного обращения. В первую очередь, соответствующие гарантии созданы на уровне принципов уголовного судопроизводства.

Таким образом, конституционно-правовым положениям, направленным на защиту чести, достоинства, телесной неприкосновенности, корреспондируют отдельные принципы уголовного судопроизводства, закреплённые в тексте главы 2 УПК РФ.

В ч. 2 ст. 9 УПК РФ, подчёркивает, что никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию. Такая форма унижающего человеческого достоинства обращения является, как правильно указывается специалистами «тягчайшим нарушением требования закона об уважении чести и достоинства участников уголовного судопроизводства» [8, с. 146].

Принцип неприкосновенности личности, который нормативно закреплён в ст. 10 УПК РФ, является одним из важнейших конституционных принципов уголовного судопроизводства, содержащий в себе этическую основу предварительного расследования в виду того, что положения обозначенной нормы устанавливают этические рамки тех ограничений, которым может быть подвергнута личность в связи с задержанием или заключением под стражу (ч. 1 и 2 ст. 10 УПК РФ). Кроме того, в ч. 3 ст. 10

УПК РФ законодатель определяет содержание лиц задержанных, или заключённых под стражу лишь в условиях, исключающих угрозу жизни и здоровью такого лица.

Действующий УПК РФ также исходит из недопустимости поставления в опасность жизни и здоровья человека при производстве широкого спектра процессуальных действий. Данный запрет упомянут законодателем в ч. 4 ст. 164 УПК РФ относительно производства следственных действий – это «создание опасности для жизни и здоровья участвующих в них лиц».

Создание должностным лицом, осуществляющим уголовно-процессуальную деятельность, опасности для жизни и здоровья других участников в процессе проведения следственного действия прямо запрещено анализируемой нормой.

Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации [77] (УИК РФ) провозглашает уважение и охрану прав, свобод и законных интересов осуждённых, включая их личную безопасность при исполнении наказаний (ч. 1 ст. 10 УИК РФ).

В рамках ст. 13 УИК РФ провозглашаются право осуждённых на личную безопасность и обязанность должностных лиц в случаях, угрожающих личной безопасности осуждённых, незамедлительно принять меры по ее обеспечению, что отражает признание Российской Федерацией положительного обязательства властей по осуществлению оперативных мер, направленных на защиту прав лиц, жизнь которых находится в опасности, с целью избежать реального и непосредственного риска для жизни.

На административно-правовом уровне государством предусмотрен комплекс норм, направленных на регулирование вопросов административного обеспечения безопасных условий труда, соблюдения санитарно-противоэпидемических норм и т.д. Соответствующие положения находят своё отражение в нормах Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [24] (КоАП РФ).

Правовые запреты, призванные гарантировать право на жизнь, могут оказаться недействующими, если:

- государство не обеспечивает публичное, основанное на законе преследование за преступное лишение жизни, что требует профессионализма органов расследования и обвинения и связано с совершенствованием их структуры и функций;
- не предусмотрены, неэффективны или сами по себе представляют опасность для жизни предупредительные и защитные меры, которые в случае возникновения угроз для жизни должны осуществляться исполнительной властью;
- не установлены процедуры, обеспечивающие ответственность государства, его органов и должностных лиц за повлекшее лишение жизни применение силы, в том числе за несоразмерное ее применение, даже если признается его абсолютная необходимость.

Соответствующие требования к такого рода мерам со стороны государственных структур вытекают из ст. 2 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

В соответствии с положениями данного международно-правового документа, отдельные случаи применения силы, связанные с угрозой для жизни или непреднамеренным лишением жизни, «не рассматривается как нарушение настоящей статьи, когда оно является результатом абсолютно необходимого применения силы: для защиты любого лица от противоправного насилия; для осуществления законного задержания или предотвращения побега лица, заключенного под стражу на законных основаниях; для подавления, в соответствии с законом, бунта или мятежа» (ст. 2 Конвенции).

Анализ данных условий правомерности применения силы со стороны соответствующих должностных лиц государства позволяет сделать вывод о том, что такая обусловленность связана с необходимостью защиты наиболее важных, охраняемых Конституцией прав и свобод – включая право на жизнь

иных лиц, а сами меры должны быть соразмерными и адекватными наличествующей угрозе.

Данные меры носят исключительный характер и, как верно подчёркивается исследователями, «должны отвечать строгим критериям крайней необходимости в демократическом обществе, причем в узком ее истолковании» [26, с. 19].

Целью применения соответствующих мер не может выступать лишение жизни – в качестве социально-значимой цели может выступать лишь противодействие незаконным действиям, связанным с насилием, побегом, мятежом и т.д.

Законодатель, формулируя соответствующие положения нормативно-правовых документов, затрагивающих рассматриваемые вопросы, также исходил из строго ограниченных законных возможностей применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия должностными лицами.

В частности, подобные нормы содержатся в Федеральном законе от 07.02.2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» [83].

В общем и целом, применение оружия допускается в исключительных случаях:

- 1) для защиты другого лица либо себя от посягательства, если это посягательство сопряжено с насилием, опасным для жизни или здоровья;
- 2) для пресечения попытки завладения огнестрельным оружием, транспортным средством полиции, специальной и боевой техникой, состоящими на вооружении (обеспечении) полиции;
- 3) для освобождения заложников;
- 4) для задержания лица, застигнутого при совершении деяния, содержащего признаки тяжкого или особо тяжкого преступления против жизни, здоровья или собственности, и пытающегося скрыться, если иными средствами задержать это лицо не представляется возможным;

5) для задержания лица, оказывающего вооруженное сопротивление, а также лица, отказывающегося выполнить законное требование о сдаче находящихся при нем оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, взрывных устройств, ядовитых или радиоактивных веществ;

б) для отражения группового или вооруженного нападения на здания, помещения, сооружения и иные объекты государственных и муниципальных органов, общественных объединений, организаций и граждан;

7) для пресечения побега из мест содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений или побега из-под конвоя лиц, задержанных по подозрению в совершении преступления, лиц, в отношении которых применена мера пресечения в виде заключения под стражу, лиц, осужденных к лишению свободы, а также для пресечения попытки насильственного освобождения указанных лиц (ч. 1 ст. 23 Закона о полиции).

Созвучные обозначенным, положения, касающиеся применения огнестрельного оружия, содержатся также в иных Федеральных законах: от 21.07.1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» [85], от 27.05.1996 г. № 57-ФЗ «О государственной охране» [88] и т.д.

Однако оценка допустимости обозначенных мер, связанных с применением оружия, требует подтверждения не только того, что они были предприняты для достижения законной, нормативно установленной цели, а не, допустим, в целях мести сотрудника полиции лицу, не выполнившему его требования, но и адекватности создаваемого риска лишения жизни тому социально-полезному результату, который должностное лицо стремится достичь в указанных обстоятельствах.

Один лишь абстрактный общественный интерес не может обусловить поставление в опасность и тем более лишение жизни лица, не представляющего угрозы для жизни других людей.

Данный подход должен признаваться не только в обыденной повседневной деятельности правоохранительных структур, но и в случаях, когда проводятся антитеррористические операции.

Как пишут в этой связи отдельные авторы, «государство, наряду с контролем за соответствием используемых силовых мер потребностям защиты от противозаконного насилия, должно также уделять внимание расследованию обстоятельств, связанных с подготовкой и проведением операций, чтобы свести к минимуму возможность смертельного исхода в результате применения силы» [36, с. 50].

Также нельзя не отметить в качестве важной гарантии обеспечения реализации права на жизнь – права на судебную защиту (ч. 1 ст. 46 Конституции РФ) от незаконного поставления в опасность права на жизнь, включая гарантии привлечения к ответственности по суду должностных лиц государства за непосредственное применение силы и соответствующие незаконные приказы об этом.

По итогам первой главы работы, можно сформулировать следующие общие выводы.

Несмотря на свой фундаментальный характер, право на жизнь не находит содержательного определения в нормах Конституции РФ – оно лишь констатируется и гарантируется в соответствующих положениях Основного Закона.

Основываясь на проанализированных в работе составляющих данного права, а также с учётом определения юридически значимого момента начала и окончания правовой защиты права на жизнь, его определение можно сформулировать как: право на жизнь – это неотчуждаемое и принадлежащее каждому от рождения (с момента отделения плода от организма матери посредством родов при наличии активности жизненно-важных функций организма) и заканчивающееся биологической смертью, право, закреплённое на конституционно-правовом уровне и гарантируемое государством от

любого противоправного посягательства под угрозой уголовной ответственности

Нормативное включение обозначенного права непосредственно в текст Основного Закона для российского государства стало своего рода «правовым феноменом», поскольку такое конституционно-правовое закрепление данное право получило впервые.

Данное право, наряду с рядом других охраняемых на конституционно-правовом уровне ценностей, не подлежит какому-либо ограничению. Совершенно справедливо, что независимо от внешних условий, диктуемых ситуацией, государство не вправе ограничить те права личности, ограничение которых сведёт на нет демократическую, нравственную направленность деятельности государства.

Подводя итог рассмотрения вопроса, связанного с установлением конституционно-правовых гарантий реализации права на жизнь в Российской Федерации, необходимо отметить, что данные гарантии носят разноплановый характер.

Конституционные права и свободы выступают в качестве единой системы, обладая взаимогарантирующим характером. В этой связи, базовыми конституционно-правовыми гарантиями реализации анализируемого права выступают нормы-принципы, обозначенные непосредственно в Конституции РФ.

Наиболее важные составляющие системы гарантий защиты жизни, установленные в Конституции РФ, развиваются, детализируются и наполняются конкретным смыслом в нормах отраслевого законодательства.

Глава 2 Смертная казнь в системе уголовных наказаний: история и современность

2.1 История возникновения и развития смертной казни в отечественном уголовном праве

Как справедливо указывается специалистами, «с тех пор, как человечество вышло из первобытного состояния и создало первоначальные формы государственности, смертная казнь как вид уголовного наказания – неперенный спутник человеческой цивилизации» [43, с. 7].

В российском государстве сложилась своя история формирования и развития данного вида наказания. Многие авторы сходятся во мнении, что первые упоминания о смертной казни как виде наказания за совершение преступления присутствуют в Двинской Уставной грамоте 1397 г., однако, данные положения носят фрагментарный характер.

Дальнейшее формирование и развитие норм о смертной казни связано с таким историческим правовым документом, как Русская Правда XI в., в которую было включено две составляющие: Правда Ярослава и Правда Ярославичей.

В Правде Ярослава шла речь о кровной мести, которая подразумевала под собой право рода потерпевшего расправиться с преступником, в том числе лишить его жизни.

Правда Ярославичей была посвящена правовой регламентации жизни княжеской вотчины и ее охраны от посягательств извне. В данном документе наказание в виде смертной казни устанавливается за ряд противоправных деяний, включая убийство и совершение кражи.

Так, любому предоставлялось право убить застигнутого на месте преступления вора, но право это было ограничено: убить можно только ночью, и нельзя убить связанного вора. Правом лишить преступника жизни также обладал князь и его дружина.

В Псковской судной грамоте 1467 г. было предусмотрено пять случаев применения смертной казни: за кражу из церкви, государственную измену, поджог, квалифицированную (троекратную) кражу и конокрадство. Конкретный вид смертной казни не оговаривался, хотя, как указывается отдельными авторами, «судя по летописям, Псков знал смертную казнь через повешение, сожжение и утопление» [42, с. 11].

В период образования и укрепления русского централизованного государства дальнейшее развитие получили правовые нормы об уголовных наказаниях и их исполнении.

Уже в Судебнике 1497 г. [73] и Судебнике 1550 г. [74] предусматривалась смертная казнь в двенадцати случаях. Система наказаний и процесс их исполнения были направлены на максимальное устрашение преступников и населения. В связи с этим, как указывается А.Н. Головистиковой, значительная часть применявшихся ранее в виде основного наказания штрафов вытесняется смертной казнью, телесными наказаниями, лишением свободы [13, с. 15].

Применение данного вида уголовного наказания сопрягалось, как это ни парадоксально, не с характером совершённого преступления, его тяжестью, а в первую очередь с личностью преступника, на что указывает А.Н. Фёдорова [90].

Так, признание лица «ведомым лихим человеком» (на основании специальной процедуры причисления к социально опасным людям) могло выступать достаточным основанием (хотя и не единственным) для применения смертной казни за совершение преступления.

Смертная казнь могла, например, быть применена за душегубство, разбой, кражу или ябедничество, т.е. ложный донос, а также за любой вид повторной кражи. Назначалась она также за убийство своего господина (государское убийство), крамолу (государственную измену, заговор, восстание и иные действия против власти), церковное преступление

(святотатство, посягающее на интересы и права церкви) и уголовное преступление (похищение людей, воровство, поджог).

Судебник 1550 г., сравнительно с Судебником 1497 г., что примечательно, несколько сокращает случаи применения смертной казни.

Следующим этапом в формировании предписаний об уголовных наказаниях и их исполнении было Соборное Уложение 1649 г. [70] первый в истории России систематизированный законодательный акт.

Как отмечается исследователями, наказание в виде смертной казни в рамках данного исторического правового документа, обретает главенствующее, относительно иных видов наказания, положение, будучи применяемым по более чем 60 составам преступлений [43, с. 39].

Анализируемый исторический документ уделяет значительное внимание закреплению разнообразных и дифференцированных способов исполнения наказания в виде смертной казни, что, как видится, обуславливалось желанием законодателя прошлого создать определённый эффект устрашения.

К, так называемым, простым видам смертной казни относились повешение и отсечение головы. Что же касается квалифицированных разновидностей смертной казни, то таковые представляли собой сожжение, заливание горла расплавленным металлом, закапывание в землю до наступления смерти, убийство путем отравления и т.д. Квалифицированные способы казни предполагали причинение дополнительных физических и нравственных страданий лицу, лишаемому государством жизни. Таким образом создавались предпосылки для общей превенции, ввиду того, что непосредственная казнь была явлением публичным и демонстративным. Причём, как отмечается отдельными исследователями, «народ на место казни иногда сгонялся насильно» [43, с. 60].

Существенные изменения системы уголовного законодательства и наказаний связаны с законотворческой деятельностью при Петре I. Как отмечается отдельными авторами, в период царствования Петра I было

издано около 400 актов уголовно-правового характера, крупнейшим и самым известным из которых по праву считается Артикул воинский 1715 г. [4], с которым и связано дальнейшее развитие норм о смертной казни в истории отечественного уголовного права с именем которого связаны известные специалистам.

Данный документ не отменял положений Соборного Уложения, но при этом предусматривали дополнительные составы преступлений, за которые предусматривалась нормативная возможность применения смертной казни.

В данный исторический период произошло определённое идеологическое преобразование подхода к смертной казни – она стала определяться как наказание, исходящее не только от государства, но и от Бога. Законодательство периода правления Петра I усиливало кару лиц, посягавших на интересы государства, в особенности на «божественную власть царя».

За тяжкие преступления (в особенности, против государственной власти) виновные подвергались изощрённым разновидностям смертной казни (их спектр, сравнительно с более ранними периодами, расширялся). Применялись колесование и четвертование преступников, повешение за ребро на крюк, посажение на кол и т.д.

Как отмечают отдельные авторы, «можно предположить, что все ужесточения уголовного законодательства, проведенные Петром I имели своей целью усиление карательной функции государства с целью недопущения смуты в армии и тылу, при проведении военных кампаний» [38, с. 115].

В XVIII в. наступает новый этап в развитии института смертной казни. С середины XVIII в. применение смертной казни резко сократилось, в чём видится ключевая роль императрицы Елизаветы Петровны, которая, как известно из исторических документов, не подписала ни одного смертного приговора.

Екатерина II при подготовке проекта Уложения 1767 г., обращаясь с Наказом к соответствующей комиссии, высказывалась за ограниченное применение смертной казни, способствуя тем самым определённой гуманизации уголовно-правового регулирования.

В период правления Екатерины II смертная казнь назначалась за преступления против жизни и государства, а способ ее исполнения мог устанавливаться особыми манифестам императрицы.

В XIX в. с приходом к власти Александра I, гуманизация уголовной политики продолжилась, что нашло своё выражение в издании ряда распоряжений о запрете применения смертной казни на присоединенных к Российской Империи территориях.

При Николае I окончательно определился статус смертной казни после принятия Уложения о наказаниях уголовных и исправительных в 1845 г. [82]

Смертная казнь по Уложению 1845 г. предусматривалась за ряд преступлений против государственной власти (посягательство на жизнь, здоровье, свободу, честь и права членов императорского дома, включая умысел, не нашедший реализацию и т.д.), а также за нарушение установленных карантинных правил, направленных на предупреждение распространения чумы (насилие, причиненное карантинной страже с намерением прорваться через карантинную черту, поджог карантинных заведений или оцепленных домов и т.д.)

Анализируемый исторический правовой документ не предусматривал конкретизированные формы лишения жизни при применении смертной казни – право определить соответствующий способ делегировалось судам, выносящим обвинительный приговор.

Дальнейшее развитие норм, регламентирующих применение уголовного наказания в виде смертной казни, связано с принятием Уголовного уложения 1903 г. [76]

Как указывается отдельными авторами, в данном документе «смертная казнь предусматривалась за узкий круг преступлений: насильственное

посягательство на изменение в России образа правления, посягательство на жизнь члена императорского дома, шпионство и т.д. Это наказание не применялось к лицам моложе 21 года и старше 70 лет, а женщинам могло назначаться только за посягательство на императора, его семью и власть. В то же время военные суды (а в ряде случаев им были подсудны и дела гражданских лиц) могли применять смертную казнь за широкий круг преступлений, включая умышленное убийство, изнасилование, разбой, грабеж, умышленный поджог и т.п. Смертная казнь приводилась в исполнение путем непубличного повешения» [13, с. 17].

Отход от публичного начала исполнения смертной казни стал определённым прогрессивным шагом, будучи связанным с отказом от политики устрашения простого народа, путём демонстративно-изощрённой расправы над преступниками от лица государства.

В советском уголовном законодательстве, непосредственно после Октябрьской революции 1917 г., смертная казнь сохранялась, с формулированием подхода к данному наказанию, как к временному явлению, в качестве одного из возможных орудий подавления сопротивления свергнутых классов.

В первом советском Уголовном кодексе РСФСР 1922 г. [55] смертная казнь в качестве таковой не была обозначена, а определялась как «высшая мера наказания» и не входила в систему уголовных наказаний в рамках ст. 32 данного документа.

В соответствии со ст. 33 УК РСФСР 1922 г., «по делам, находящимся в производстве революционных трибуналов, впредь до отмены Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом, в случаях, когда статьями настоящего Кодекса определена высшая мера наказания, в качестве таковой применяется расстрел».

УК РСФСР 1922 г. предусматривал смертную казнь за достаточно широкий спектр контрреволюционных преступлений, преступлений против

порядка управления; за должностные преступления, воинские преступления, хищения и т.д.

В дальнейшем, развитие положений, касающихся уголовных наказаний, было осуществлено в Основных началах уголовного законодательства СССР и союзных республик 1924 г. [50]

Интересным является изменение самого нормативного подхода к определению института уголовного наказания, поскольку была предпринята законодательная попытка отказаться от существовавшей ранее, и известной нам сейчас, терминологии.

Вместо категории «наказание» в законодательстве получил своё закрепление иной термин: «меры социальной защиты», что, видимо, было призвано изменить восприятие уголовного наказания, сместив акцент на заботу о советском обществе. Тем не менее, репрессивная суть данных мер не изменилась. Данная законодательная новелла была воспринята нормами Уголовного кодекса РСФСР 1926 г. [56]

В тексте Основных начал уголовного законодательства СССР и союзных республик, по аналогии с УК РСФСР 1922 г., смертная казнь именовалась «высшей мерой наказания» и не включалась в общую систему уголовных наказаний (мер социальной защиты судебно-исправительного характера).

Основные начала уголовного законодательства СССР и союзных республик содержало указание на исключительность смертной казни и временный характер наличия данной формы реакции государства на совершённое преступление в следующей формулировке: «Временно в качестве высшей меры социальной защиты впредь до полной ее отмены Центральным Исполнительным Комитетом Союза ССР для борьбы с наиболее тяжкими видами преступления, угрожающими основам советской власти и советского строя, допускается расстрел. Применение в качестве меры социальной защиты расстрела по суду подлежит особому регулированию законодательством Союза ССР и Союзных Республик -

последними в соответствии с директивными указаниями Президиума Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР» (Примечание 2 к ст. 13 Основных начал).

Также законодатель оговаривал невозможность применения высшей меры наказания к несовершеннолетним, и к беременным женщинам.

22 ноября 1926 г. принят новый Уголовный кодекс РСФСР, сохранивший в себе суть подхода, обозначенного в Основных началах уголовного законодательства ССР и союзных республик.

Отмена смертной казни формально состоялась после Великой Отечественной войны указом Президиума Верховного Совета СССР от 26.05.1947 г. «Об отмене смертной казни» [81]. В тексте данного документа смертная казнь в мирное время отменялась, что мотивировалось отсутствием необходимости в таковой в условиях мирного времени.

В качестве замены смертной казни, Указ предусматривал наказание в виде заключения в исправительно-трудовом лагере сроком на 25 лет.

Однако, данный запрет был отменён Указом Президиума ВС СССР от 12.01.1950 г. «О применении смертной казни к изменникам родины, шпионам, подрывникам-диверсантам», применительно обозначенной в названии Указа категориям лиц, совершивших преступления, создав тем самым исключение из общего правила о неприменении смертной казни.

В положениях Уголовного кодекса РСФСР от 27.10.1960 г. [18] смертная казнь была обозначена в ст. 23 как «Исключительная мера наказания – смертная казнь». Таким образом, законодатель в очередной раз подчёркивал её исключительный и временный характер, вплоть до её полной отмены.

Данный вид наказания мог быть применён путём расстрела за ряд государственных преступлений, за умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах и за некоторые другие особо тяжкие преступления.

Сохранялось ограничение, обозначенное в ранее действовавшем уголовном законодательстве о неприменении данного наказания к несовершеннолетним и беременным женщинам.

Постепенно, путём внесения изменений в действующее уголовное законодательство, конкретный спектр деяний, за которые могла быть назначена высшая мера наказания, расширялся и до утраты силы в связи с принятием нового УК РФ в 1996 г., УК РСФСР 1960 г. содержал около 30 подобных составов преступлений.

Принятие нового УК РФ 1996 г. ознаменовало современный период развития отечественного уголовного законодательства, регламентирующего применение различных видов уголовных наказаний, включая смертную казнь, за совершение ряда преступлений.

Далее представляется необходимым рассмотреть понятие смертной казни с позиции современного уголовного законодательства и обозначить место данного уголовного наказания в общей системе наказаний.

2.2 Понятие смертной казни и её место в системе уголовных наказаний по действующему УК РФ

В контексте определения понятия смертной казни и её места в системе уголовных наказаний в современной России, в первую очередь следует отметить, что Конституция РФ говорит о наказании в виде смертной казни в рамках единой ст. 20, посвящённой реализации права на жизнь: «смертная казнь впредь до ее отмены может устанавливаться федеральным законом в качестве исключительной меры наказания за особо тяжкие преступления против жизни при предоставлении обвиняемому права на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей» (ч. 2 ст. 20 Конституции РФ).

Как уже было обозначено ранее, УК РСФСР 1960 г. предусматривал данный вид уголовного наказания за более широкий спектр деяний,

выходящих за пределы тех, что посягают на жизнь, однако, новый УК РФ 1996 г. устранил указанное противоречие с Конституцией РФ.

Смертная казнь по новому законодательству предусмотрена только за ограниченный ряд наиболее тяжких преступлений против жизни человека, что позволяет сделать вывод о том, что содержательно законодатель скорректировал таким образом сферу возможного применения смертной казни, взяв за ориентир демократические основы, лежащие в основе конституционно-правового регулирования.

В соответствии с ч. 2 ст. 20 Конституции РФ смертная казнь признана исключительной мерой наказания, которая впредь до ее отмены может устанавливаться федеральным законом только за особо тяжкие преступления против жизни. При этом обвиняемому предоставляется право на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей.

Исключительный, экстраординарный характер наказания в виде смертной казни, подчеркивается законодателем и в нормативной формулировке анализируемого наказания: «Смертная казнь как исключительная мера наказания может быть установлена только за особо тяжкие преступления, посягающие на жизнь» (ч. 1 ст. 59 УК РФ).

Тем не менее, данный оборот вряд ли может претендовать на статус понятия смертной казни, поскольку не раскрывает соответствующие существенные аспекты и признаки анализируемой категории.

Далее, в рамках последующих частей данной уголовно-правовой нормы, законодатель приводит соответствующие условия, при которых данное наказание может быть назначено – то есть, законодатель априори допускает возможность применения смертной казни лишь при соблюдении всего комплекса условий и ограничений, установленных законом. Только в таком случае, нормативно, применение смертной казни может представляться легитимным.

Как видится, законодатель, в рамках современного уголовного законодательства, пошёл по пути сокращения условий, при наличии которых

за совершенное преступление могло бы назначаться наказание в виде смертной казни.

В первую очередь, это проявлялось как в сокращении тех разновидностей преступлений, предусмотренных Особенной частью УК РФ, за которые могло бы быть назначено это наказание, так и в сокращении тех категорий граждан, к которым применимо анализируемое уголовное наказание.

Законодатель последовательно исключал смертную казнь из санкций целого ряда преступных деяний, тем самым минимизируя спектр таких преступлений, ограничивая его лишь тяжкими деяниями, связанными с посягательством на жизнь человека. На сегодняшний момент, смертная казнь в качестве наказания предусматривается санкциями следующих норм УК РФ:

- убийство при отягчающих обстоятельствах (ч. 2 ст. 105 УК РФ);
- посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277 УК РФ);
- посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование (ст. 295 УК РФ);
- посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа (ст. 317 УК РФ)
- геноцид (ст. 357 УК РФ).

Таким образом, перечень соответствующих составов преступлений был сведён к возможному минимуму.

По кругу субъектов, в отношении которых возможно назначение смертной казни, после 1993 г. произошли изменения, направленные на сужение соответствующего контингента. Если до 1993 г. наказание в виде смертной казни не могло быть назначено только несовершеннолетним, не достигшим к моменту совершения преступления восемнадцатилетнего возраста, и женщинам, находившимся в состоянии беременности к моменту совершения преступления, вынесения или исполнения приговора, то действующий УК РФ устанавливает запрет на назначение смертной казни

любой женщине, а также лицам, совершившим преступления в возрасте до восемнадцати лет, и мужчинам, достигшим к моменту вынесения судом приговора шестидесятипятилетнего возраста (ч. 2 ст. 59 УК РФ).

С 2009 г. смертная казнь не назначается также и лицу, выданному Российской Федерации иностранным государством для уголовного преследования в соответствии с международным договором Российской Федерации или на основе принципа взаимности, если в соответствии с законодательством иностранного государства, выдавшего лицо, смертная казнь за совершенное этим лицом преступление не предусмотрена или неприменение смертной казни является условием выдачи либо смертная казнь не может быть ему назначена по иным основаниям, что нашло своё отражение в ч. 2.1 ст. 59 УК РФ, введённой Федеральным законом от 17.12.2009 г. № 324-ФЗ [84].

Как видится, невозможность применения столь сурового уголовного наказания к определённым категориям лиц имеет в своей основе гуманистическую составляющую, а также определённую социальную обусловленность.

Как отмечается отдельными исследователями, неприменение этого вида наказания в отношении несовершеннолетних связано с тем, что в юном возрасте они еще не обладают устоявшейся психикой, не всегда адекватно воспринимают сложившиеся обстоятельства, не имеют достаточного жизненного опыта, в большей мере, чем взрослые, подвержены чужому влиянию. В силу этого оценка социальной значимости своих поступков со стороны несовершеннолетних нередко затруднена [29, с. 98].

Кроме того, несовершеннолетний возраст лица, диктует необходимость учёта физической, психической и социальной незрелости личности и её уязвимости, по сравнению с лицами, достигшими совершеннолетия. Именно в отношении несовершеннолетних государство должно применять наиболее гибкий и гуманный подход.

Что касается лиц женского пола, то текущая правоприменительная практика показывает, что данная социальная категория лиц редко совершает те преступления, за которые УК РФ в принципе предусматривает наказание в виде смертной казни. При этом учитывались большая эмоциональность, возбудимость женской психики.

Что касается запрета на назначение наказания в виде смертной казни в отношении мужчин, достигших преклонного возраста, то он также обусловлен, с одной стороны, редкостью совершения соответствующих деяний данной категорией лиц, практически полным отсутствием рецидива и иными обстоятельствами, говорящими о нецелесообразности сохранения смертной казни для этой категории лиц.

Ограничения в назначении смертной казни связаны и с иными обстоятельствами. Например, смертная казнь не назначается при вердикте присяжных о снисхождении за приготовление к преступлению и покушение на преступление. Если же смертная казнь назначена, то в порядке помилования она может быть заменена пожизненным лишением свободы или лишением свободы на срок двадцать пять лет.

Неприменение смертной казни за неоконченное преступление также основано на принципах гуманизма и справедливости. При этом законодатель исходит из того положения, что смертная казнь может назначаться лишь в случаях причинения смерти другим лицам. И наконец, обстоятельства совершения преступления могут быть таковыми, что назначение смертной казни будет являться явно несправедливым. Поэтому и снисхождение присяжных является фактором, налагающим вето на применение исключительной меры наказания.

Исключительность наказания в виде смертной казни предопределяет и исключительный подход не только к процедурам, связанным с назначением, но и исполнением данного наказания, что находит своё отражение в положениях раздела VII УИК РФ, в рамках которого непосредственно регламентирован порядок исполнения анализируемого уголовного наказания.

Как отмечается отдельными авторами, существующий порядок назначения и исполнения смертной казни позволяет в максимальной степени исключить судебную ошибку.

Непосредственное исполнение данного уголовного наказания осуществляется непублично путем расстрела. Даже если данное наказание назначено нескольким соучастникам одного и того же преступления, исполнение приговора в отношении каждого осуждённого производится отдельно в отношении каждого и в отсутствие остальных (ч. 1 ст. 186 УИК РФ).

Наступление смерти осужденного констатируется врачом. Об исполнении приговора суда составляется протокол, который подписывается лицами, присутствующими при исполнении наказания – к числу таковых в соответствии с ч. 2 ст. 186 УИК РФ относятся, помимо уже упомянутого выше врача, прокурор, а также представитель учреждения, в котором исполняется смертная казнь.

Таким образом, на основе изложенного, далее обобщим те признаки, которым отвечает смертная казнь в нормах российского уголовного права.

1. Смертная казнь является исключительной мерой наказания. Данный признак вытекает из положений ч. 2 ст. 20 Конституции РФ, из нормативного определения смертной казни, сформулированного в ст. 59 УК РФ, а также из включения смертной казни в систему уголовных наказаний в рамках п. «н» ст. 44 УК РФ. Априори, любое уголовное наказание должно служить общим нормативным целям, сформулированным в ч. 2 ст. 43 УК РФ, а именно: восстановлению социальной справедливости, исправления осуждённого и предупреждению совершения новых преступлений. Обращает на себя внимание тот факт, что смертная казнь отвечает только двум из перечисленных признаков. Исправление осуждённого путём смертной казни видится заведомо абсурдным. Более того, как пишут специалисты, «смертная казнь как раз и лишает человека последнего шанса на исправление. В этом коренное отличие смертной казни от обычного наказания. Поэтому в случае

применения смертной казни надо говорить не о применении наказания, а о каре – лишении человека жизни с точки зрения существующего права» [43, с. 10].

Карательная составляющая есть у любого уголовного наказания, но у смертной казни кара проявляется максимально, ввиду того, что у лица отнимается государством самое ценное – его жизнь.

2. Смертная казнь применяется в связи с применением государственного принуждения. Данный признак предполагает применение данного уголовного наказания вопреки воле осуждённого и только от имени государства, что позволяет отличить утрату жизни осуждённым иным образом – в результате самоубийства, или же в результате мести осуждённому со стороны родственников потерпевшего.

3. Смертная казнь применяется только по обвинительному приговору суда, вступившему в законную силу. Такой приговор может быть вынесен только законным составом суда в результате законного судебного разбирательства, с соблюдением всех демократических принципов осуществления правосудия после полного и всестороннего рассмотрения уголовного дела по существу, что позволяет минимизировать вероятность судебной ошибки.

4. Смертная казнь может применяться только за тяжкие преступления против жизни, что прямо закреплено в Конституции РФ и находит отражение в конкретных составах преступлений Особенной части УК РФ. Соответственно, назначить виновному смертную казнь суд может только при инкриминировании последнему того деяния, которое предполагает смертную казнь, в качестве возможного вида наказания, непосредственно в санкции статьи.

5. Смертная казнь имеет временный характер. Данный признак отражён также в нормативном определении данного вида уголовного наказания как в современном регулировании, так и нормативном регулировании советского периода отечественного государства и права. То есть, законодатель

рассматривал и рассматривает (по крайней мере нормативно), смертную казнь как исключительную меру наказания, применяемую «впредь до её отмены» (ч. 2 ст. 20 Конституции РФ). Тем самым, законодатель, заведомо определяет, что наличие данного наказания в числе средств реагирования на совершённое преступление, крайне нежелательно и его существование вынужденное. Более того, при наличии соответствующих условий, оно должно быть отменено.

6. Смертная казнь, в соответствии с ч. 1 ст. 186 УИК РФ, исполняется путём непубличного (в отсутствие зрителей и посторонних лиц, не имеющих отношения к процедуре исполнения наказания) расстрела. Таким образом, законодатель указывает на определённые этические рамки приведения в исполнение смертного приговора.

Подводя итог рассмотрения вопросов, входящих в объём второй главы данной работы, можно сформулировать следующие выводы.

Наказание в виде смертной казни прошло длительный и отнюдь не простой путь своей эволюции в нормах отечественного уголовного права: с дореволюционного периода, и до советского и постсоветского (демократического) периода.

На каждом этапе развития отечественного государства и права, законодательные нормы, определяющие данное наказание, трансформировались, по мере развития соответствующих общественных отношений.

Примечательно, что практически на любом из этапов развития отечественного уголовного законодательства, сохранялось отношение к смертной казни, как исключительному наказанию, чьё место в системе наказаний носит вынужденный характер.

Обобщив выделяемые в науке признаки рассматриваемого вида уголовного наказания, можно сформулировать следующее научное определение смертной казни. Смертная казнь – это исключительная и временная мера уголовного наказания, применяемая, впредь до её отмены,

государством к лицу, виновному в совершении тяжкого преступления против жизни, на основании обвинительного приговора суда, преследующая цели восстановления социальной справедливости и предупреждения совершения новых преступлений, заключающаяся в непубличном лишении жизни путём расстрела.

Проблематика применения смертной казни как вида уголовного наказания, в контексте его соотношения с правом на жизнь, продолжает оставаться острой, что обуславливает многочисленные дискуссии с приведением доводов как за отмену смертной казни, так и за её сохранение в ряду видов уголовных наказаний.

Основой для поддержания полемики является то, что в настоящий момент, равно, как и многие годы ранее, данный вид уголовного наказания, сохраняя своё место в нормах УК РФ, не назначается и не применяется. Подобная ситуация является беспрецедентной с точки зрения нормативного регулирования.

Далее рассмотрим текущую ситуацию и дальнейшие перспективы, связанные с институтом смертной казни, в контексте существующего нормативного регулирования и правовых позиций Конституционного Суда РФ по данной проблеме.

Глава 3 Проблемы применения смертной казни в Российской Федерации на современном этапе

3.1 Проблемы регулирования применения смертной казни в соответствии с действующим законодательством и правовыми позициями Конституционного Суда РФ

Проблема регулирования института смертной казни в постсоветском правовом пространстве обозначилось ещё с момента принятия демократической по своей природе и содержанию Конституции РФ в 1993 г., определившей, как уже было отмечено, дальнейшую, хотя и неопределённую, перспективу отмены смертной казни как вида уголовного наказания.

В принципе, подобный нормативный оборот мог обусловить исключение смертной казни из разряда уголовных наказаний в новом УК РФ 1996 г., принятом лишь спустя несколько лет после Конституции РФ, в условиях становления нового постсоветского демократического уголовного законодательства, однако, законодатель счёл необходимым нормативно закрепить смертную казнь как в нормах УК РФ, так и соответствующих положениях УИК РФ, посвящённых порядку применения наказания в виде смертной казни.

Накануне принятия УК РФ, Указом Президента Российской Федерации от 16 мая 1996 г. № 724 «О поэтапном сокращении применения смертной казни в связи с вхождением России в Совет Европы» [80] Правительству Российской Федерации было рекомендовано в месячный срок подготовить для внесения в Государственную Думу РФ проект Федерального закона о присоединении Российской Федерации к Протоколу № 6 от 28.04.1983 г. к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. Тогда же был поставлен вопрос о сокращении составов преступлений, за совершение которых может быть назначена смертная казнь.

Как отмечают Л.Г. Берлявский и Н.А. Тарабан, «международно-правовой традиции свойственна устойчивая тенденция бесповоротной отмены смертной казни» [10, с. 19].

Действительно, о такой тенденции говорит целый ряд международно-правовых актов, в частности Протокол № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод [64], который не допускает применения смертной казни в мирное время.

Протокол № 13 к обозначенной Конвенции [63], вступивший в силу для ряда государств в 2003 г., исключает применение смертной казни даже во время вооруженного конфликта.

Следствием обозначенной на международном уровне тенденции, являются принятые Генеральной Ассамблеей ООН Резолюции № 62/149 от 18.12.2007 г. и № 63/168 от 18.12.2008 г., призывающие государства – члены ООН ограничивать применение смертной казни и сокращать число преступлений, за совершение которых она может назначаться, а также ввести мораторий на приведение смертных приговоров в исполнение.

На тот момент, выражение Российской Федерацией намерения установить мораторий на приведение в исполнение смертных приговоров и принять меры по отмене смертной казни было одним из существенных оснований для вступления нашей страны в Совет Европы.

При этом изначально в 1996 г. Россия обязалась подписать в течение одного года и ратифицировать не позднее чем через три года после вступления в Совет Европы Протокол № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, касающийся отмены смертной казни в мирное время, и установить со дня вступления в Совет Европы мораторий на исполнение смертных приговоров.

Об этом свидетельствует подп. ii п. 10 заключения Парламентской Ассамблеи Совета Европы по заявке России на вступление в Совет Европы № 193 от 25.01.1996 г. Аналогичные намерения зафиксированы в Резолюции

Комитета министров Совета Европы, которой Россия приглашалась стать членом Совета Европы.

В этой связи, были приняты два Федеральных закона: «О присоединении Российской Федерации к Уставу Совета Европы» [86] и «О присоединении Российской Федерации к Генеральному соглашению о привилегиях и иммунитетах Совета Европы и Протоколам к нему» [87].

Присоединившись к уставным документам Совета Европы, Российская Федерация тем самым подтвердила свои обязательства, на условиях которых состоялось её вступление в Совет Европы.

В марте 1999 г. Президент Российской Федерации в своем Послании Федеральному Собранию [54] назвал отмену смертной казни «серьезным обязательством России» перед международным сообществом.

Однако, несмотря на то, что Протокол № 6 к Европейской Конвенции о правах человека подписан и ратифицирован более чем 40 государствами – членами Совета Европы и вступил для них в силу, в отношении Российской Федерации этого так и не произошло.

Российской Федерацией обозначенный Протокол был подписан 16.04.1997 г. и его предстояло ратифицировать, с учетом ранее выраженного Россией обязательства присоединиться к данному Протоколу, не позднее чем через три года с момента вступления в Совет Европы, т.е. до 28.02.1999 г.

Проект Федерального закона о ратификации Протокола № 6 был внесен Президентом Российской Федерации в Государственную Думу 06.08.1999 г. одновременно с проектом Федерального закона [61], предусматривающего внесение изменений и дополнений в уголовное, уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации. Ратификация указанного Протокола, должна была подтвердить приверженность Российской Федерации принципам гуманизма, демократии и права, а также будет способствовать осуществлению установленных Конституцией Российской Федерации положений,

касающихся защиты главного естественного права человека – права на жизнь.

Ратификация вышеназванного Протокола № 6 так и не состоялась, однако, в Российской Федерации был введён мораторий на применение смертной казни Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 02.02.1999 г. № 3-П [57].

Правовая позиция органа конституционного надзора заключалась в том, что наказание в виде смертной казни на всей территории Российской Федерации может назначаться лишь при предоставлении обвиняемым права на рассмотрение их дел судом с участием присяжных заседателей. Невозможность обеспечить каждому обвиняемому в преступлении, за совершение которого федеральным законом установлено наказание в виде смертной казни, реализацию данного права, непосредственно закрепленного Конституцией Российской Федерации, влечет за собой и невозможность в таком случае назначения этой меры наказания иным составом суда.

Отсутствие на тот момент закона, обеспечивающего на всей территории Российской Федерации реализацию гарантированного ст. 20 (ч. 2) Конституции Российской Федерации права обвиняемого на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей, не могло служить препятствием к рассмотрению дел указанной категории иным составом суда. Однако на территориях девяти субъектов Российской Федерации, где были созданы суды присяжных, обвиняемые в преступлениях, за совершение которых установлена смертная казнь, при определении меры наказания не должны были ставиться в неравноправное положение по сравнению с обвиняемыми в таких же преступлениях на территориях, где суд присяжных не функционировал.

В такой ситуации впредь применение исключительной меры наказания судом с участием присяжных заседателей исказило бы предназначение и существо права, гарантированного ст. 20 (ч. 2) Конституции Российской Федерации.

Федерации. Кроме того, оно явилось бы существенным нарушением принципа равенства, закрепленного ее ст. 19.

По смыслу ст. 20 (ч. 2) в ее взаимосвязи со ст. 19, 46 и 120 Конституции Российской Федерации, с учетом вышеуказанного Постановления Конституционного Суда Российской Федерации и до введения в действие федерального закона, реально обеспечивающего на всей территории Российской Федерации в любой из возможных форм организации судопроизводства каждому обвиняемому в преступлении, за совершение которого федеральным законом установлено наказание в виде смертной казни, права на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей, эта исключительная мера наказания назначаться не может, независимо от того, каким составом суда рассматривается дело – судом с участием присяжных заседателей, коллегией в составе трех профессиональных судей или иным составом суда.

С принятием и введением в действие УПК РФ, институт суда присяжных начал постепенно вводиться в действие. Законодатель предусмотрел определённую этапность введения суда присяжных на всей территории Российской Федерации, которое закончилось лишь 1 января 2010 г. введением суда присяжных в Чеченской Республике.

На протяжении прошедшего десятилетия с этого момента, нормы законодательства, регулирующие функционирования суда присяжных, подвергались многократным корректировкам, в которых выразились современные тенденции, связанные с развитием анализируемого института.

Таким образом, институт суда присяжных был реализован на всей территории нашей страны, что устранило конституционно-правовые основания для действия моратория на применение смертной казни, заложенные в обозначенном выше Постановлении Конституционного Суда РФ от № 3-П.

При этом в ноябре 2009 г. Конституционным Судом РФ было принято Определение от 19.11.2009 г. № 1344-О-Р о разъяснении п. 5 резолютивной

части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 02.02.1999 г. № 3-П, основанное на констатации международных обязательств России, делающих невозможным применение смертной казни и, с одной стороны, поставившее точку в давно назревшем вопросе [49].

Следует также заметить, что непосредственно перед принятием вышеназванного Определения Конституционным Судом РФ, было обнародовано заявление Уполномоченного по правам человека в РФ по вопросу недопустимости возобновления применения смертной казни. В данном заявлении Уполномоченным было отмечено следующее: «Не предвещая решения Конституционного Суда Российской Федерации по такому актуальному вопросу, каким является основополагающее право каждого человека на жизнь, полагаю необходимым изложить свое мнение о правовых основаниях недопустимости возобновления применения смертной казни в Российской Федерации» [19].

Вновь выработанная правовая позиция Конституционного Суда РФ в указанном Определении выглядит вполне логичной и обоснованной, в связи с тем, что Конституционный Суд РФ подчеркнул, что в Российской Федерации действует длительный и комплексный мораторий на применение смертной казни, сохраняющий свое действие более 10 лет – с момента принятия Россией на себя обязательств при вступлении в Совет Европы 28 февраля 1996 г. и подписания Протокола № 6 (16 апреля 1997 г.), а также установления Конституционным Судом Российской Федерации прямого запрета на назначение смертной казни – в отсутствие надлежащих процессуальных гарантий (Постановление от 2 февраля 1999 г. № 3-П). Она легитимирована сложившейся правоприменительной практикой, в том числе последующими решениями Конституционного Суда Российской Федерации и решениями судов общей юрисдикции. Суть данной правовой позиции сводится к тому, что в Российской Федерации на основе Конституции Российской Федерации и конкретизирующих ее правовых актов смертная казнь как наказание уже длительное время не назначается и не исполняется.

В результате столь продолжительного по времени действия моратория на применение смертной казни, как заключил Конституционный Суд РФ в резолютивной части Определения от 19.11.2009 г., сформировались устойчивые гарантии права человека не быть подвергнутым смертной казни и сложился конституционно-правовой режим, в рамках которого с учетом международно-правовой тенденции и обязательств, взятых на себя Российской Федерацией, происходит необратимый процесс, направленный на отмену смертной казни как исключительной меры наказания, носившей временный характер («впредь до ее отмены») и допускаемой лишь в течение определенного переходного периода, т.е. на реализацию цели, закрепленной ст. 20 (ч. 2) Конституции России, это означает, что правовой смысл Постановления Конституционного Суда России от 02.02.1999 г. № 3-П в части, касающейся введения суда присяжных на всей территории Российской Федерации, не открывает возможность применения смертной казни, в том числе по обвинительному приговору, вынесенному на основании вердикта присяжных заседателей.

Данное Определение стало неотъемлемой частью Постановления Конституционного Суда от 02.02.1999 г. и должно применяться в нормативном единстве с ним.

Между тем 17.12.2009 г. Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации приняла Федеральный закон № 324-ФЗ, которым внесла дополнение в ст. 59 УК РФ в виде ч. 2.1.

Таким образом, уже после опубликования вышеуказанного Определения Конституционного Суда РФ, подводящего своего рода правовой итог в споре о возможности применения смертной казни в России, Государственная Дума, внося корректирующие поправки в ст. 59 УК РФ, фактически признала возможность дальнейшего применения наказания в виде смертной казни. Несмотря на то, что наличие уголовного наказания в виде смертной казни в тексте УК РФ является легитимным, даже в свете исходящих от Конституционного Суда РФ документов, создаётся

определённый диссонанс в адекватном понимании сложившейся правовой ситуации в вопросе дальнейшей судьбы анализируемого уголовного наказания.

Также следует отметить, что невозможность применения положений федерального законодательства о смертной казни как виде уголовного наказания, процедурах его назначения и исполнения, в контексте действующего правового регулирования, была в дальнейшем установлена в Постановлении Конституционного Суда РФ от 19.04.2010 г. № 8-П [59].

Таким образом, представляется необходимым окончательно определить на уровне федерального законодательства дальнейшую судьбу наказания в виде смертной казни, дабы исключить двоякость толкования и понимания существующей системы уголовных наказаний и создать тем самым правовую определённость.

То, каким именно должно быть решение законодателя по вопросу отмены смертной казни, не находит единства среди учёных. В этой связи представляется необходимым далее рассмотреть основные аспекты дискуссии по вопросу отмены смертной казни в контексте соотношения данного наказания с правом на жизнь.

3.2 Дискуссия по вопросу отмены смертной казни в контексте соотношения данного наказания с правом на жизнь

Дискуссия по вопросу сохранения, либо полной отмены смертной казни продолжается в России не одно десятилетие. Единства мнений не наблюдается, ввиду того, что по-прежнему есть как сторонники сохранения (а также непосредственного применения) смертной казни, так и сторонники необходимости полностью убрать смертную казнь в качестве вида уголовного наказания из текста УК РФ.

Тезисно, основные доводы «за» и «против» смертной казни можно свести к ряду аргументов. Противники смертной казни в качестве таковых указывают:

- вероятность судебной ошибки, в результате чего невиновный может быть лишён жизни;
- отсутствие значимого превентивного эффекта;
- противоречие международно-правовому регулированию, которое приветствуется всё большим числом стран в мире;
- антигуманность казни лица государством и т.д.

Сторонники сохранения в нормах действующего уголовного законодательства, а также непосредственного применения смертной казни в качестве своих аргументов указывают, что:

- смертная казнь представляет собой форму реализации кары в виде справедливого возмездия лицу за содеянное;
- смертная казнь гуманна, так как освобождает осуждённого от страданий, связанных с пожизненным заключением;
- экономическая целесообразность смертной казни, состоящая в экономии государственных затрат на пожизненное содержание осуждённого в учреждении уголовно-исполнительной системы;
- смертная казнь является способом защиты общества от заведомо неисправимых преступников и т.д.

Еще в XIX столетии, специалисты обоснованно отстаивали позицию, в соответствии с которой «смертная казнь в современном государстве не должна занимать места в лестнице наказаний» [68, с. 112].

Обоснованно негативно лишение человека жизни государством выражается и в русской философии. В.С. Соловьев сформулировал нравственный закон для общества: «Принцип человеческого достоинства, или безусловное значение каждого лица, в силу чего общество определяется как внутреннее, свободное согласие всех» [72, с. 251]. Поэтому человек «не может быть только средством или орудием ни для блага другого лица, ни для

блага целого класса, ни... для так называемого общего блага, т.е. блага большинства других людей» [72, с. 249]. Смертная казнь «отрицает в преступнике человека, лишает его присущего всякому лицу права на существование и нравственное возрождение и делает из него страдательное орудие чужой безопасности» [72, с. 292].

Солидарную позицию занимают и современные философы права. По мнению В.А. Бачинина, «государство, посягающее на главное, естественное право своих граждан, неизбежно входит в замкнутый круг имморализма и неправа и становится их проводником» [7, с. 556].

Как указывает С.С. Алексеев, «с точки зрения общей системы ценностей, сложившихся в современном обществе, право должно отвечать требованиям морали, а именно общепринятым, общечеловеческим, элементарным этическим требованиям, соответствующим основным началам христианской культуры, или культуры, однопорядковой с христианской» [3, с. 56].

Сохраняя смертную казнь в качестве исключительной меры уголовного наказания, государство создаёт выраженное противоречие с установленным на конституционно-правовом уровне правом на жизнь, а также приоритетом прав человека – прав личности, перед обобщёнными и достаточно абстрактными, интересами общества и государства.

Как указывает И.А. Подройкина, «если Россия на конституционном уровне провозгласила себя правовым государством, то тогда без всяких изъятий, реально, а не декларативно права и свободы человека должны занимать главенствующее место в системе общественных ценностей. Права человека, в числе которых право на жизнь занимает первое место, – это не дар государства, они принадлежат ему от рождения, и если на уровне Основного Закона установлено обязательство охранять жизнь своих граждан, то тогда недопустимо существование такого вида уголовно-правового воздействия, как смертная казнь. Неотъемлемость и неотчуждаемость не должны допускать каких-либо исключений» [53, с. 79].

Именно благодаря определённой системе конституционно-правовых ценностей, закреплённых в Основном Законе страны основные права человека, как пишет С.С. Алексеев, «приобрели прямое юридическое действие и заняли (точнее, начали занимать) центральное место во всей юридической системе современного гражданского общества» [2, с. 613].

Поэтому, как справедливо указывает В.Н. Кудрявцев, «не может быть никакого нравственного обоснования для расправы с отдельным, уже беззащитным и теперь неопасным человеком, для применения смертной казни к преступнику. Эту меру необходимо исключить из набора криминологических стратегий» [34, с. 160].

Антигуманность института смертной казни прослеживается не только в самом характере сути данного уголовного наказания, состоящей в лишении жизни государством лица, виновного в совершении преступления, но и в сопровождающих данный акт действиях. В частности, в ч. 4 ст. 186 УИК РФ указывается, что «администрация учреждения, в котором исполнена смертная казнь, обязана поставить в известность об исполнении наказания суд, вынесший приговор, а также одного из близких родственников осужденного. Тело для захоронения не выдается и о месте его захоронения не сообщается».

Возникает справедливый вопрос: чем обусловлено несообщение родственникам осуждённого о месте его захоронения? Какую социально-полезную цель преследует причинение таким образом страданий лицам, не причастным к преступлению, за которое был столь сурово наказан их родственник? Данное лицо уже подверглось максимально возможной репрессивной реакции со стороны государства. Наступление дополнительных правовых последствий после казни осуждённого, да ещё и направленных на неопределённый круг лиц, которым в силу близких родственных и иных отношений было дорого данное лицо, видится безнравственным.

С учётом того, что вероятность судебной ошибки всегда есть и не может быть устранена целиком и полностью, фактическое исполнение смертной казни создаёт необратимые последствия, которые не могут быть в дальнейшем, при всём желании, устранены, либо чем-то компенсированы в случае обнаружения ошибки в виновности лица в инкриминированном ему преступлении, обусловившим вынесение фактически исполненного смертного приговора.

Не выдерживает критики высказанная по данному вопросу точка зрения А.А. Машковцева: «Большинство антагонистов смертной казни говорят о погрешности судебного следствия. Однако процент погрешности существует в любой деятельности человека. Освоение космоса, например. Никто не гарантирует безопасный полёт очередной ракеты на орбиту. Разве это выступит фактором прекращения исследований?» [44, с. 50].

Подобные сравнения не отвечают ни законам логики, ни морально-нравственным основам, ведь речь идёт о судьбах людей, а не абстрактных достижениях или ценностях.

Как показывает кассационная и надзорная судебная практика, чаще всего суды допускают ошибки именно при назначении меры наказания. Например, в 2017 г. Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда РФ в порядке надзора были изменены судебные решения в отношении 730 лиц, в том числе в отношении 613 лиц было смягчено наказание без изменения квалификации, тогда как в отношении 5 лиц изменена квалификация без смягчения наказания, в отношении 112 лиц изменена квалификация со смягчением наказания [47].

Из рассмотренных в 1997 г. Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда РФ в кассационном порядке 157 дел с наказанием в виде смертной казни в отношении 185 человек были отменены приговоры в отношении 11 лиц (5,9%) [47]. Суды допускали ошибки при применении норм и материального, и процессуального права.

Как представляется, даже полноценная и последовательная реализация соответствующих уголовно-процессуальных гарантий хоть и способна минимизировать вероятность судебной ошибки, но исключить её полностью – невозможно, с позиции невозможности познания объективной истины опосредованным путём, посредством уголовно-процессуального доказывания.

Как следует из практики Верховного Суда РФ, было несколько дел, по которым посмертно реабилитировались те, кто был осужден в результате судебной ошибки: «...к тому времени устанавливались лица, совершившие те убийства, за которые были казнены другие» [19, с. 45]. Так, известно о лицах, расстрелянных за преступления, которые были совершены Чикатило и Михасевичем (Белоруссия) [91].

Следует также упомянуть случаи осуждения к смертной казни лиц, которые в последующем были признаны невиновными. Известным является дело Сергея Михайлова, приговоренного в 1995 г. Архангельским областным судом к смертной казни, которому удалось избежать смерти благодаря тому, что он был помилован Президентом РФ [35].

Применив смертную казнь к невиновному (даже с учётом следования уголовно-процессуальной процедуре и наличии, казалось бы, убедительных доказательств), государство фактически становится убийцей, причинившей невосполнимый ущерб конкретному лицу, его близким и всему обществу в целом, подрывая его веру в справедливость и гуманность.

Наиболее приемлемым в данном отношении должен являться принцип, в соответствии с которым лучше виновный избежит ответственности и справедливого наказания, чем невиновный будет к такой ответственности привлечён и претерпит всю суровость репрессивного государственного потенциала.

Анализируемый вид уголовного наказания не имеет статистически значимого общепредупредительного эффекта. Кроме того, как пишут

специалисты, смертная казнь «не оказывает большего мотивирующего воздействия по сравнению с пожизненным лишением свободы» [39, с. 215].

В России специальное исследование проводилось В.А. Никоновым, который при сопоставлении показателей удельного веса смертной казни и уровня убийств за период 1986 – 1992 гг. пришел к выводу об отсутствии корреляции между переменными, из чего следует, что в числе факторов, обуславливающих уровень убийств, смертная казнь не играет никакой роли [46, с. 119]. Более того, полученный результат, по мнению В.А. Никонова, «практически исключает статистически значимый общепредупредительный эффект смертной казни, но позволяет создать теоретико-вероятностную математическую модель зависимости уровня убийств от удельного веса смертной казни, демонстрирующую... негативное влияние последней» [46, с. 120].

Так же считал С.В. Бородин, указывая, что «в России убийства при отягчающих обстоятельствах и возможность смертной казни за них в реальности не только существуют как самостоятельные факторы, но и корреляция между ними не усматривается», а предупредительное значение смертной казни «не выше уровня предупредительного значения длительного лишения свободы и, тем более, пожизненного лишения свободы» [11, с. 60].

Сравнив показатели уровня убийств до установления в России моратория на применение смертной казни и после, В.Е. Квашиш пришел к выводу, что после введения моратория на смертную казнь (фактически с 1997 г.) динамика убийств не изменилась к худшему, наоборот, «число убийств уже в первые три года сократилось, а затем этот показатель стабилизировался и оставался практически таким же в течение 10 лет» [21, с. 541].

В этой связи можно с уверенностью констатировать, что суровость санкции статьи, равно, как и суровость возможного уголовного наказания, никогда не считались значимыми способами предупредительного воздействия, в отличие от фактора неотвратимости уголовно-правового

воздействия, которое заключается в «требовании, чтобы каждое лицо, совершившее преступление, претерпело в той или иной отвечающей требованиям справедливости форме уголовно-правовое воздействия за совершение преступления» [16, с. 129].

Именно неотвратимость наступления уголовной ответственности и соответствующей реакции государства на противоправное поведение выступает тем самым важным предупредительным аспектом, который зависит не от устрашающего уголовного наказания, обозначенного в норме УК РФ, а от качества законодательной техники, беспробельности и адекватности уголовно-правовых норм, а также качества работы системы органов, осуществляющих выявление и расследование преступлений.

В обществе должно устояться и закрепиться представление о том, что преступное поведение не остаётся без реакции государства в силу эффективной работы правоохранительной системы, судов, институтов гражданского общества. Если такого внутреннего представления нет, то даже самое суровое наказание в санкции статьи останется всего лишь абстракцией, зафиксированной в законе, но не имеющей реального проявления в действительности.

Апеллирование ряда сторонников смертной казни к тому, что общественность не примет отказ от данного наказания вряд ли можно признать состоятельным. Общественное мнение изменчиво и сильно зависимо от текущей политической и социальной конъюнктуры. Это свойственно не только российскому государству, а людям в целом. В этой связи, отмена смертной казни в уголовном законодательстве зарубежных государств в основном происходила без поддержки населения, которое впоследствии воспринимало позицию законодателя и разделяло её.

Как писал А.Ф. Кистяковский, «особенно странным представляется то, что защитники смертной казни в этом случае опираются на воззрения народные, не давшие себе труда понять их сущность. Отчего те же защитники не прибегают к воззрениям народным для решения других,

первой важности государственных, общественных и научных вопросов... С воззрениями народными необходимо во многих случаях соображаться..., но соображаться с ними без разбору, только потому, что они народные, значило бы иногда обречь все успехи цивилизации на совершенную погибель» [23, с. 75].

К такому же выводу пришли и современные криминалисты. Как пишет В.Н. Кудрявцев, «а) с общественным мнением считаться нужно, но лишь до определенных пределов, обозначенных законом; б) общественное мнение нужно формировать, причем формировать исходя из демократических, прогрессивных задач и принципов; в) населению и должностным лицам необходимо разъяснять политику государства, в том числе и стратегии, применяемые в борьбе с преступностью» [34, с. 344].

Правосознание формируется и под влиянием законодательства. Поэтому следует согласиться с А.Д. Сахаровым, который, говоря о проблеме смертной казни, указывал, что «власти могут в какой-то мере идти впереди общественного мнения и управлять им. Здесь это оправданно» [66, с. 367].

В этой связи, нужно предпринимать меры, имеющие направленность на повышение общей политической и правовой культуры, обеспечить более высокий уровень жизни и социальной стабильности, что может, в том числе, способствовать, а также создавать предпосылки, для формирования в социуме стремлений воплощать в жизнь идеи справедливости и гуманизма.

Смертная казнь своим существованием в нормах российского уголовного законодательства создаёт противоречие существующим стандартам, принятым на уровне международных правовых документов, определяющих базовые подходы к обеспечению прав и свобод личности в цивилизованном мире.

В настоящее время в мире наблюдается устойчивая тенденция к отказу от применения смертной казни, отражающая приверженность многих государств демократическим традициям и гуманистическим ценностям.

В 2020 году масштаб применения в мире смертной казни продолжил сокращаться, несмотря на апеллирование отдельных авторов к тому факту, что

«страны Азии и Ближнего Востока, менее подверженные влиянию демократических ценностей стран Европы, от применения государственной казни в большинстве своём не отказались» [51, с. 15].

Мир продолжает уверенно двигаться к полной отмене смертной казни. В мае 2020 г. Чад полностью отменил смертную казнь, став пятой африканской страной, сделавшей это за последнее десятилетие. В сентябре 2020 г. Казахстан подписал, а в декабре предпринял шаги к ратификации Второго факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, направленного на отмену смертной казни.

Ни одной казни не было зафиксировано в Бахрейне, Беларуси, Пакистане, Судане и Японии, где в 2019 году казни осуществлялись. Равно, как и Россия, Казахстан, Таджикистан, Малайзия и Гамбия по-прежнему соблюдают официальный мораторий на казни.

Запрет на применение наказания в виде смертной казни установлен многими европейскими государствами – данная тенденция сохраняется и продолжает претворяться в жизнь.

В США Колорадо стал 22-м штатом, отменившим смертную казнь, а объявленные губернаторами моратории в Калифорнии, Орегоне и Пенсильвании продолжали действовать весь 2020 год.

По опубликованным данным Amnesty International – международной неправительственной организации, основанной в 1961 году, по состоянию на 31 декабря 2020 года, смертная казнь полностью отменена в 108 странах; в 8 странах смертная казнь отменена за общеуголовные преступления; в 28 странах смертная казнь не применяется на практике. Примечательно, что лишь в 55 странах смертная казнь по-прежнему сохраняется [69].

Тем не менее, приведённые данные достаточно красноречивы.

В Российской Федерации, ввиду длительного действия моратория на назначение и исполнение смертной казни, уже фактически сформировались условия для окончательного решения данного вопроса, путём исключения смертной казни из норм действующего законодательства – в частности, из соответствующих положений УК РФ и УИК РФ.

На данном фоне выглядит абсурдным предложение С.А. Коноваловой, А.Е. Лазарева и М.В. Гончарова, которые полагают, что раз преодолеть мораторий на применение смертной казни не получается, то следует «инициировать пересмотр действующей Конституции в части регулирования права на жизнь, путём разработки проекта новой Конституции» [32, с. 40].

Сложно не согласиться с выводом, к которому приходят М.Д. Давитадзе и Г.А. Майстренко о том, что «путем смертной казни государство борется с последствиями, а не с причинами. Убивая преступника, государство не борется должным образом с причинами, которые привели виновного к преступлению (бедность, неравенство и др.)» [15, с. 106].

Как резюмирует О.И. Лепёшкина, «смертная казнь – это архаичный вид наказания, а его применение служит исключительно утилитарным целям истребления преступников и устрашения населения. Это наказание противоречит общечеловеческим этическим требованиям и представляет собой пример неправа. Применение смертной казни неизбежно сопряжено с негативными социальными последствиями, поскольку исполнение этой меры необратимо» [39, с. 220].

В настоящее время, уголовное наказание в виде смертной казни неприемлемо в современном демократическом обществе, его сдерживающая роль и следование целям наказания (как было наглядно представлено, смертная казнь не способна реализовать весь спектр целей наказания) не выдерживает «конкуренции» с другими более цивилизованными, нравственными и справедливыми уголовно-правовыми средствами.

Соглашаясь с данной позицией, видится целесообразным, своевременным и стратегически верным исключить смертную казнь из числа

уголовных наказаний, путём законодательной корректировки соответствующих положений УК РФ и УИК РФ, касающихся данного вида уголовного наказания.

Кроме того, в связи с исключением смертной казни из разряда существующих уголовных наказаний, в качестве исключительной меры наказания следует считать уголовное наказание в виде пожизненного лишения свободы.

В этой связи, непосредственно ч. 1 ст. 57 УК РФ следует изложить в следующей редакции: «1. Пожизненное лишение свободы в качестве исключительной меры наказания устанавливается за совершение особо тяжких преступлений, посягающих на жизнь, а также за совершение особо тяжких преступлений против общественной безопасности».

По итогам третьей главы данной работы, представляется возможным сформулировать следующие выводы.

На основании изложенного, представляется необходимым окончательно определить на уровне федерального законодательства дальнейшую судьбу наказания в виде смертной казни, дабы исключить двоякость толкования и понимания существующей системы уголовных наказаний и создать тем самым правовую определённость.

Тезисно, основные доводы «за» и «против» смертной казни можно свести к ряду аргументов. Противники смертной казни в качестве таковых указывают:

- вероятность судебной ошибки, в результате чего невиновный может быть лишён жизни;
- отсутствие значимого превентивного эффекта;
- противоречие международно-правовому регулированию, которое приветствуется всё большим числом стран в мире;
- антигуманность казни лица государством и т.д.

Сторонники сохранения в нормах действующего уголовного законодательства, а также непосредственного применения смертной казни в качестве своих аргументов указывают, что:

- смертная казнь представляет собой форму реализации кары в виде справедливого возмездия лицу за содеянное;
- смертная казнь гуманна, так как освобождает осуждённого от страданий, связанных с пожизненным заключением;
- экономическая целесообразность смертной казни, состоящая в экономии государственных затрат на пожизненное содержание осуждённого в учреждении уголовно-исполнительной системы;
- смертная казнь является способом защиты общества от заведомо неисправимых преступников и т.д.

Как представляется, смертная казнь своим существованием в нормах российского уголовного и уголовно-исполнительного законодательства создаёт существенное противоречие существующим стандартам, принятым на уровне международных правовых документов, определяющих ключевые, базовые подходы к обеспечению прав и свобод личности в цивилизованном мире.

В настоящее время в мире наблюдается устойчивая тенденция к отказу от применения смертной казни, отражающая приверженность многих государств демократическим традициям и гуманистическим ценностям.

В 2020 году масштаб применения в мире смертной казни продолжил сокращаться. Запрет на применение наказания в виде смертной казни установлен многими европейскими государствами – данная тенденция сохраняется и продолжает претворяться в жизнь.

В обществе должно устояться и закрепиться представление о том, что преступное поведение не остаётся без реакции государства в силу эффективной работы правоохранительной системы, судов, институтов гражданского общества. Если такого внутреннего представления нет, то даже самое суровое наказание в санкции статьи останется всего лишь абстракцией,

зафиксированной в законе, но не имеющей реального проявления в действительности.

В Российской Федерации, ввиду длительного действия моратория на назначение и исполнение смертной казни, уже фактически сформировались условия для окончательного решения данного вопроса, путём исключения смертной казни из норм действующего законодательства – в частности, из соответствующих положений УК РФ и УИК РФ.

Соглашаясь с точкой зрения, последовательно выраженной во многих научных трудах, видится целесообразным, своевременным и стратегически верным исключить смертную казнь из числа уголовных наказаний, путём корректировки соответствующих положений УК РФ и УИК РФ, касающихся данного вида уголовного наказания.

Кроме того, в связи с исключением смертной казни из разряда существующих уголовных наказаний, в качестве исключительной меры наказания следует считать уголовное наказание в виде пожизненного лишения свободы.

В этой связи, непосредственно ч. 1 ст. 57 УК РФ следует изложить в следующей редакции: «1. Пожизненное лишение свободы в качестве исключительной меры наказания устанавливается за совершение особо тяжких преступлений, посягающих на жизнь, а также за совершение особо тяжких преступлений против общественной безопасности».

Таким образом, Россия сможет сделать ещё один шаг на пути действительно демократических преобразований, на пути становления действительно правового и социального государства, в качестве которого провозглашается Российская Федерация, открывающих новую страницу в нормативном и фактическом обеспечении права на жизнь, как высшей ценности, на которую не вправе посягать даже государство в процессе избрания формы уголовно-правового воздействия на лицо, совершившее преступление.

Заключение

В заключении проведённой работы, подведем её общие итоги и сформулируем выводы и предложения.

Вряд ли кто-либо в современном мире может усомниться в высшем значении права на жизнь, в контексте всего комплекса охраняемых и гарантируемых государством прав и свобод. Подобный подход к праву на жизнь, как высшей ценности, обозначен и в нашей стране, будучи сформулированным на конституционно-правовом уровне. Это обусловлено особым содержанием и глубоким смысловым наполнением рассматриваемой категории.

Несмотря на свой фундаментальный характер, право на жизнь не находит содержательного определения в нормах Конституции РФ – оно лишь констатируется и гарантируется в соответствующих положениях Основного Закона.

Основываясь на проанализированных в работе составляющих данного права, а также с учётом определения юридически значимого момента начала и окончания правовой защиты права на жизнь, его определение можно сформулировать как: право на жизнь – это неотчуждаемое и принадлежащее каждому от рождения (с момента отделения плода от организма матери посредством родов при наличии активности жизненно-важных функций организма) и заканчивающееся биологической смертью, право, закреплённое на конституционно-правовом уровне и гарантируемое государством от любого противоправного посягательства под угрозой уголовной ответственности

Нормативное включение обозначенного права непосредственно в текст Основного Закона для российского государства стало своего рода «правовым феноменом», поскольку такое конституционно-правовое закрепление данное право получило впервые.

Данное право, наряду с рядом других охраняемых на конституционно-правовом уровне ценностей, не подлежит какому-либо ограничению. Совершенно справедливо, что независимо от внешних условий, диктуемых ситуацией, государство не вправе ограничить те права личности, ограничение которых сведёт на нет демократическую, нравственную направленность деятельности государства.

Подводя итог рассмотрения вопроса, связанного с установлением конституционно-правовых гарантий реализации права на жизнь в Российской Федерации, необходимо отметить, что данные гарантии носят разноплановый характер.

Конституционные права и свободы выступают в качестве единой системы, обладая взаимогарантирующим характером. В этой связи, базовыми конституционно-правовыми гарантиями реализации анализируемого права выступают нормы-принципы, обозначенные непосредственно в Конституции РФ.

Наиболее важные составляющие системы гарантий защиты жизни, установленные в Конституции РФ, развиваются, детализируются и наполняются конкретным смыслом в нормах отраслевого законодательства.

Здесь важно подчеркнуть весомую роль уголовного и уголовно-процессуального права Российской Федерации, в контексте противодействия противоправным посягательствам на человеческую жизнь, посредством проведения соответствующей уголовной политики и эффективного противодействия преступности.

Нормы уголовно-процессуального права, будучи направленными на создание процедур, связанных с привлечением виновных в совершении преступлений к ответственности, также служат реализации права на жизнь.

Это связано с тем, что, осуществляя уголовное преследование, государство вынуждено применять государственное принуждение. Однако, несоразмерное, безосновательное, лишённое гарантий защиты прав и свобод

личности применение государственного принуждения недопустимо, в том числе, в контексте создания угрозы жизни.

В современном российском государстве, в котором на конституционно-правовом уровне было нормативно определено право каждого на жизнь, институт смертной казни, в определённой мере, вступает в противоречие с данной социальной и конституционно-правовой ценностью, что создаёт проблему.

Обобщив признаки смертной казни, как вида уголовного наказания, следующее научное определение смертной казни.

Смертная казнь – это исключительная и временная мера уголовного наказания, применяемая, впредь до её отмены, государством к лицу, виновному в совершении тяжкого преступления против жизни, на основании обвинительного приговора суда, преследующая цели восстановления социальной справедливости и предупреждения совершения новых преступлений, заключающаяся в непубличном лишении жизни путём расстрела.

Проблематика применения смертной казни как вида уголовного наказания, в контексте его соотношения с правом на жизнь, продолжает оставаться острой, что обуславливает многочисленные дискуссии с приведением доводов как за отмену смертной казни, так и за её сохранение в ряду видов уголовных наказаний.

Основой для поддержания полемики является то, что в настоящий момент, равно, как и многие годы ранее, данный вид уголовного наказания, сохраняя своё место в нормах УК РФ, не назначается и не применяется, в силу наличия соответствующей правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, неоднократно выраженной в ряде правовых документов.

Подобная ситуация в российском государстве является в достаточной мере беспрецедентной, с точки зрения нормативного регулирования.

На основании изложенного, представляется необходимым окончательно определить на уровне федерального законодательства дальнейшую судьбу наказания в виде смертной казни, дабы исключить двоякость толкования и понимания существующей системы уголовных наказаний и создать тем самым правовую определённость.

Тезисно, основные доводы «за» и «против» смертной казни можно свести к ряду аргументов. Противники смертной казни в качестве таковых указывают:

- вероятность судебной ошибки, в результате чего невиновный может быть лишён жизни;
- отсутствие значимого превентивного эффекта;
- противоречие международно-правовому регулированию, которое приветствуется всё большим числом стран в мире;
- антигуманность казни лица государством и т.д.

Сторонники сохранения в нормах действующего уголовного законодательства, а также непосредственного применения смертной казни в качестве своих аргументов указывают, что:

- смертная казнь представляет собой форму реализации кары в виде справедливого возмездия лицу за содеянное;
- смертная казнь гуманна, так как освобождает осуждённого от страданий, связанных с пожизненным заключением;
- экономическая целесообразность смертной казни, состоящая в экономии государственных затрат на пожизненное содержание осуждённого в учреждении уголовно-исполнительной системы;
- смертная казнь является способом защиты общества от заведомо неисправимых преступников и т.д.

Как представляется, смертная казнь своим существованием в нормах российского уголовного и уголовно-исполнительного законодательства создаёт существенное противоречие существующим стандартам, принятым на уровне международных правовых документов, определяющих ключевые,

базовые подходы к обеспечению прав и свобод личности в цивилизованном мире.

В настоящее время в мире наблюдается устойчивая тенденция к отказу от применения смертной казни, отражающая приверженность многих государств демократическим традициям и гуманистическим ценностям.

В 2020 году масштаб применения в мире смертной казни продолжил сокращаться. Запрет на применение наказания в виде смертной казни установлен многими европейскими государствами – данная тенденция сохраняется и продолжает претворяться в жизнь.

В обществе должно устояться и закрепиться представление о том, что преступное поведение не остаётся без реакции государства в силу эффективной работы правоохранительной системы, судов, институтов гражданского общества. Если такого внутреннего представления нет, то даже самое суровое наказание в санкции статьи останется всего лишь абстракцией, зафиксированной в законе, но не имеющей реального проявления в действительности.

В Российской Федерации, ввиду длительного действия моратория на назначение и исполнение смертной казни, уже фактически сформировались условия для окончательного решения данного вопроса, путём исключения смертной казни из норм действующего законодательства – в частности, из соответствующих положений УК РФ и УИК РФ.

Соглашаясь с точкой зрения, последовательно выраженной во многих научных трудах, видится целесообразным, своевременным и стратегически верным исключить смертную казнь из числа уголовных наказаний, путём корректировки соответствующих положений УК РФ и УИК РФ, касающихся данного вида уголовного наказания.

Кроме того, в связи с исключением смертной казни из разряда существующих уголовных наказаний, в качестве исключительной меры наказания следует считать уголовное наказание в виде пожизненного лишения свободы.

В этой связи, непосредственно ч. 1 ст. 57 УК РФ следует изложить в следующей редакции: «1. Пожизненное лишение свободы в качестве исключительной меры наказания устанавливается за совершение особо тяжких преступлений, посягающих на жизнь, а также за совершение особо тяжких преступлений против общественной безопасности».

Таким образом, Россия сможет сделать ещё один шаг на пути действительно демократических преобразований, на пути становления действительно правового и социального государства, в качестве которого провозглашается Российская Федерация, открывающих новую страницу в нормативном и фактическом обеспечении права на жизнь, как высшей ценности, на которую не вправе посягать даже государство в процессе избрания формы уголовно-правового воздействия на лицо, совершившее преступление.

Только в этом случае можно будет вести речь о полноценной и действительно безусловной реализации права на жизнь, закреплённого и гарантируемого на конституционно-правовом уровне, что и предполагает демократическое государственное устройство.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Авдеев М.Н. Правовые аспекты пересадки тканей // Проблемы правосудия и уголовного права. М., 1978. С. 75-79.
2. Алексеев С.С. Право: Азбука. Теория. Философия: опыт комплексного исследования. М., 1999. 788 с.
3. Алексеев С.С. Философия права. М., 1998. 520 с.
4. Артикул воинский от 26.04.1715 г. // Хрестоматия по истории государства и права России. / Ю.П. Титов. М.: Проспект, 2008
5. Бабаджанов И.Х. Содержание права на жизнь: некоторые вопросы теории и законодательной формализации // Юридический мир. 2010. № 2. С. 59-61.
6. Бархатова Е.Ю. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный). М.: Проспект, 2015. 272 с.
7. Бачинин В.А. Философия права и преступления. Харьков, 1999. 720 с.
8. Безлепкин Б.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). М.: Проспект, 2017.
9. Беляева Е.В. Право на жизнь: проблемы конституционного обеспечения // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 2. С. 39-40.
10. Берлявский Л.Г., Тарабан Н.А. Право на жизнь и проблема смертной казни: конституционно-правовые аспекты // Юридический мир. 2013. № 1. С. 19-24.
11. Бородин С.В. Еще раз о смертной казни за убийство // Государство и право. 2001. № 4. С. 58-63.
12. Васьков П.Ф., Ковалев М.И. Вопросы определения смерти // Социалистическая законность. 1982. № 6. С. 10-17.
13. Головистикова А.Н. История отмены применения смертной казни в Российском государстве // Адвокат. 2005. № 10. С. 14-18.

14. Григорьева В.С. Право на жизнь: к проблеме о сущности понятия // Отечественная юриспруденция. 2019. № 1 (33). С. 6-7.
15. Давитадзе М.Д., Майстренко Г.А. Смертная казнь: аргументы «за» и «против» // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 1. С. 102-107.
16. Дуюнов В.К. Уголовно-правовое воздействие: теория и практика. – М.: Научная книга, 2003. 520 с.
17. Европейская конвенция по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (ETS № 126) (Заключена в г. Страсбурге 26.11.1987 г.) // Бюллетень международных договоров. 1998. № 12.
18. Закон РСФСР от 27.10.1960 г. «Об утверждении Уголовного кодекса РСФСР» (вместе с «Уголовным кодексом РСФСР») // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.
19. Заявление Уполномоченного по правам человека в РФ от 06.11.2009 г. «О недопустимости возобновления применения смертной казни в Российской Федерации» // Российская газета. № 209, 06.11.2009 г.
20. Иванов А.В. Проблемы отмены смертной казни в России в контексте международных обязательств // Московский журнал международного права. 2015. № 1. С. 40-59.
21. Квашиш В.Е. Смертная казнь: мировые тенденции, проблемы и перспективы. М., 2008. 690 с.
22. Кирилловых А.А. Репродукция человека в фокусе права // Медицинское право. 2012. № 2. С. 20-25.
23. Кистяковский А.Ф. Исследование о смертной казни. Тула, 2000. 220 с.
24. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
25. Комарова В.В. Право на жизнь в доктрине и в праве // Право и государство: теория и практика. 2013. № 5. С. 46-49.

26. Комментарий к Конвенции о защите прав человека и основных свобод и практике ее применения / Под ред. В.А. Туманова, Л.М. Энтина. М., 2002. 120 с.
27. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) / под ред. В.Д. Зорькина. М.: Норма, Инфра-М, 2011. 1008 с.
28. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. В.И. Радченко, науч. ред. А.С. Михлин, В.А. Казакова. М.: Проспект, 2008. 695 с.
29. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. (постатейный) / под ред. А.В. Бриллиантова. Т. 1. М.: Проспект, 2015. 792 с.
30. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950 г.) // СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163.
31. Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (Заключена 10.12.1984 г.) // Международная защита прав и свобод человека. Сборник документов. М.: Юридическая литература, 1990.
32. Коновалова С.А., Лазарев А.Е., Гончаров М.В. К вопросу о конституционно-правовом регулировании применения смертной казни в Российской Федерации // Уральский журнал правовых исследований. 2020. № 2. С. 25-40.
33. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // «Российская газета» от 4 июля 2020 г. № 144.
34. Кудрявцев В.Н. Стратегии борьбы с преступностью. М., 2005. С. 561 с.
35. Куликов В. Пожизненная казнь // Российская газета. 2004. 5 окт.

36. Кумышева М.К. Ограничение прав граждан при проведении контртеррористической операции // Социально-политические науки. 2018. № 1. С. 49-52.
37. Курочка Е.В. Вопросы уголовной ответственности за преступления против жизни // Общество. Культура. Преступность. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 7. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2005. С. 73-77.
38. Левин А.В. История развития института смертной казни в России // Наука и современность. 2010. № 5-3. С. 113-120.
39. Лепешкина О.И. Пожизненное лишение свободы как альтернатива смертной казни для современной России // Научные труды Северо-Западного института управления. 2018. № 1 (33). С. 214-220.
40. Лысак Н.В. Некоторые спорные вопросы квалификации убийства матерью новорожденного ребенка // Российский следователь. 2008. № 18. С. 15-20.
41. Лысак Н.В. Проблемы определения начального момента охраны жизни человека в уголовном праве // Российский следователь. 2002. № 2. С. 33-39.
42. Макеева Н.В. Проблема смертной казни в контексте модернизации российской уголовной политики // История государства и права. 2010. № 15. С. 10-14.
43. Малько А.В., Жильцов С.В. Смертная казнь в России: История. Политика. Право. М.: Издательство НОРМА, 2003. 224 с.
44. Машковцев А.А. Генезис института смертной казни в уголовном праве России // International scientific review. 2020. № 1. С. 48-51.
45. Мейер Д.И. Русское гражданское право. М.: Статут, 2003. 100 с.
46. Никонов В.А. Эффективность общепредупредительного воздействия уголовного наказания: теорет.-методол. исслед. М., 1994. 211 с.

47. Обзор кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за 1997 год // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1998. № 12. С. 15.

48. Обзор надзорной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за 2018 год // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».

49. Определение Конституционного Суда РФ от 19.11.2009 г. № 1344-О-Р «О разъяснении пункта 5 резолютивной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 г. № 3-П по делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года "О порядке введения в действие Закона Российской Федерации "О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР "О судостроительстве РСФСР", Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» // СЗ РФ. 2009. № 48. Ст. 5867.

50. Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и Союзных Республик (утв. Постановлением ЦИК СССР от 31.10.1924 г.) // СЗ СССР. 1924. № 24. Ст. 205.

51. Осташев А.А. Вопросы применения и отмены смертной казни в России и за рубежом // E-Scio. 2020. № 12. С. 10-25.

52. Пасмарнова В.Е. К вопросу о понятии права на жизнь // Наука. Общество. Государство. 2014. № 4 (8). С. 5-8.

53. Подройкина И.А. Полемика о смертной казни и перспективы её существования в современной России // Общество: политика, экономика, право. 2019. № 8 (73). С. 77-82.

54. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 30.03.1999 г. «Россия на рубеже эпох (о положении в стране и основных направлениях политики Российской Федерации)» // Российская газета. № 60, 31.03.1999.

55. Постановление ВЦИК от 01.06.1922 г. «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // СУ РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.

56. Постановление ВЦИК от 22.11.1926 г. «О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР редакции 1926 года» // СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.

57. Постановление Конституционного Суда РФ от 02.02.1999 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 УПК РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года "О порядке введения в действие Закона Российской Федерации "О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР "О судостроительстве РСФСР", Уголовно - процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях" в связи с запросом Московского городского суда и жалобами ряда граждан» // СЗ РФ. 1999. № 6. Ст. 867.

58. Постановление Конституционного Суда РФ от 18.02.2000 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 5 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Б.А. Кехмана» // СЗ РФ. 2000. № 9. Ст. 1066.

59. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.04.2010 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 части второй статьи 30 и части второй статьи 325 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Р.Р. Зайнагутдинова, Р.В. Кудаева, Ф.Р. Файзулина, А.Д. Хасанова, А.И. Шаваева и запросом Свердловского областного суда» // СЗ РФ. 2010. № 18. Ст. 2276.

60. Постановление Правительства РФ от 20.09.2012 г. № 950 «Об утверждении Правил определения момента смерти человека, в том числе критериев и процедуры установления смерти человека, Правил прекращения реанимационных мероприятий и формы протокола установления смерти человека» // СЗ РФ. 2012. № 39. Ст. 5289.

61. Пояснительная записка «По вопросу о Ратификации Протокола № 6 (относительно отмены смертной казни) от 28 апреля 1983 года к Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года» // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».

62. Приказ Минздравсоцразвития России от 27.12.2011 г. № 1687н «О медицинских критериях рождения, форме документа о рождении и порядке его выдачи» // Российская газета. № 64, 23.03.2012

63. Протокол № 13 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод об отмене смертной казни при любых обстоятельствах (ETS № 187) (Подписан в г. Вильнюсе 03.05.2002 г.) // Европейский суд по правам человека. Первые решения по жалобам из России (сборник документов). М., 2004.

64. Протокол № 6 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод относительно отмены смертной казни (ETS № 114) (Подписан в г. Страсбурге 28.04.1983 г.) // Российская газета. 1995. 5 апреля.

65. Рогова Н.Н., Сысоева Т.В. Проблемы определения начала уголовно-правовой охраны жизни человека // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 11. С. 305-308.

66. Сахаров А.Д. Смертная казнь // Смертная казнь: за и против / Под ред. С.Г. Келиной. М., 1989. С. 365-368.

67. Селихова О.Г. Конституционно-правовые проблемы осуществления права индивидов на свободу и личную неприкосновенность: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2002. 205 с.

68. Сергеевский Н.Д. Русское уголовное право. Пособие к лекциям: Часть особенная / Отв. ред.: И.В. Лукьянова, А.И. Чучаев. Калуга: Полиграф-Информ, 2008. 606 с.

69. Смертные приговоры и казни: Amnesty International – глобальный доклад. М., 2021. 26 с.

70. Соборное Уложение 1649 г. // Российское законодательство X-XX веков. Т. 3. Акты Земских соборов. М., 1985.
71. Современное уголовное право. Общая и особенная части: Учебник / под ред. А.В. Наумова. М.: Илекса, 2007. 588 с.
72. Соловьев В.С. Оправдание добра: нравственная философия. М., 1996. 375 с.
73. Судебник 1497 г. // Российское законодательство X-XX веков. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М., 1985.
74. Судебник 1550 г. // Российское законодательство X-XX веков. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М., 1985.
75. Толковый словарь русского языка / Под ред. С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведова. М., 1996. 950 с.
76. Уголовное уложение от 22.03.1903 г. // Российское законодательство X - XX веков: В 9 т. / Под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 9: Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций: тексты и коммент. М., 1994.
77. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 г. № 1-ФЗ // СЗ РФ. 1997. № 2. Ст. 198.
78. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
79. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
80. Указ Президента РФ от 16.05.1996 г. № 724 «О поэтапном сокращении применения смертной казни в связи с вхождением России в Совет Европы» // СЗ РФ. 1996. № 21. Ст. 2468.
81. Указ Президиума ВС СССР от 26.05.1947 г. «Об отмене смертной казни» // Ведомости ВС СССР. 1947. № 17.

82. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных от 15.08.1845 г. // Отечественное законодательство XI – XX веков. Ч. 1. XI – XIX века. М., 1999
83. Федеральный закон от 07.02.2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 900.
84. Федеральный закон от 17.12.2009 г. № 324-ФЗ «О внесении изменений в статью 59 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2009. № 51. Ст. 6161.
85. Федеральный закон от 21.07.1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 33. Ст. 1316.
86. Федеральный закон от 23.02.1996 г. № 19-ФЗ «О присоединении Российской Федерации к Уставу Совета Европы» // СЗ РФ. 1996. № 9. Ст. 774.
87. Федеральный закон от 23.02.1996 г. № 20-ФЗ «О присоединении Российской Федерации к Генеральному соглашению о привилегиях и иммунитетах Совета Европы и Протоколам к нему» // СЗ РФ. 1996. № 9. Ст. 775.
88. Федеральный закон от 27.05.1996 г. № 57-ФЗ «О государственной охране» // СЗ РФ. 1996. № 22. Ст. 2594.
89. Федеральный закон от 28.03.1998 г. № 44-ФЗ «О ратификации Европейской конвенции по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания и Протоколов к ней» // СЗ РФ. 1998. № 13. Ст. 1466.
90. Федорова А.Н. Смертная казнь в истории России в период XV – XVII вв. // История государства и права. 2012. № 7. С. 35-38.
91. Шаров Л. По три маньяка на одно место // Общая газета. 1998. 19 - 25 нояб.